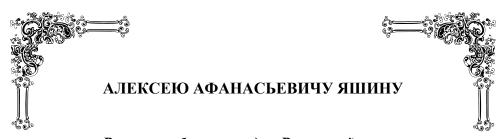
К ЮБИЛЕЮ НАШЕГО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Возраст юбиляра — для Вселенной миг. Он активен в жизни — многого достиг. Выпускает книги. Каждый день творит И без дела долго вряд ли усидит. Без поддержки власти юбиляр создал Сей литературный толстый наш журнал, Признанный в России и за рубежом. Только власть считает «Зори» лишь бомжом: Нету помещенья, виртуальный штат... Но журнал выходит восемь лет подряд. Движется по миру — это ль не успех?! Помогает в этом только «политех». Юбиляр — ученый. И наград не счесть. Знает, что такое: долг, упорство, честь. Он известен Туле и планете всей, И зовется просто: Яшин Алексей. Отчество не входит, как тут не пиши. А писал я просто и от всей души. Долгих лет, здоровья, славный адмирал! Чтоб фрегат наш — «Зори» — дальше курс держал!

НА «ВИЛЛИСЕ» И С МАУЗЕРОМ...

В мемуарах об Отечественной ветераны часто вспоминают легенду о том, как командующий армией Рыбалко водил в атаку свои танки, стоя во весь рост в генеральском «виллисе», размахивая маузером времен гражданской войны. Слишком часто упоминают, чтобы это было только легендой.

Человек, которого мы сегодня поздравляем с «коротким» юбилеем, напоминает мне того отчаянно смелого и выпрямленного генерала: против танков на «виллисе» и с маузером. Но! — против. И хотя дело происходит не на войне, а в писательстве, в литературе, в литературном процессе и его сегодняшней организации, и ассоциации рискованны, рискну и выражу не только свою точку зрения: до Яшина мало встречал литераторов, которые бы так упорно, доказательно и систематически дрались бы — именно так — за родной язык, а значит, за родную землю, за живую литературу и способствовал ли бы жизни писателей, которые пока не перевелись... Почитайте только колонку главного редактора в альманахе.

Года четыре тому получаю я в своей затворнической бременской глуши настоящее письмо. Именно так: письмо, написанное человеческой рукой... Эпистолу, можно сказать. И в нем — почерк, понятно, выдал человека точного, прямого, знающего свое дело и себя — предложение сотрудничества в «Приокских зорях». Чтобы понять, что я почувствовал, надо невольно оказаться вне земли, среды, языка, в котором вырос; друзей, коридоров твоих редакций... И вот — твердая рука сурового по внешности и по стилю своих романов человека, бывшего моряка, хранящего традиции «революционного» флота, серьезного ученого и организатора. И внимательного, гуманного редактора-энциклопедиста.

Теперь вы поймете, с каким чувством я хочу пожелать Алексею Афанасьевичу — подвижнику русской литературы, многолауреатному и многоорденоносному писателю и ученому и, смею считать, дорогому мне коллеге, добра и света. Спасибо за моральную теплую поддержку, за дорогие приветы из Тулы.

Здоровья Вам, Алексей Афанасьевич! Успехов в многогранных трудах Ваших. Очередных юбилеев, премий и наград, неизбывного уважения коллегученых и литераторов.

С превеликим удовольствием выпью чарку средних сил в такой компании: в этот майский день имел честь родиться и уважающий Вас автор «Приокских зорь» Наум Ципис. И так, от нашего стола — Вашему столу!

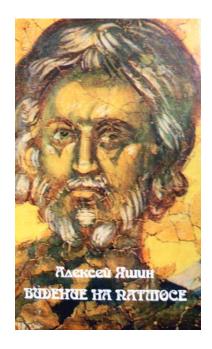
С надеждой на сотрудничество

Наум Ципис, лауреат премии «Левша» им. Н. С. Лескова (г. Бремен, Германия)

«СРЕДИ ДОЛИНЫ РОВНЫЯ...»

Только что журнал «Приокские зори» отметил свой небольшой юбилей — вышел тридцатый, по общему счету, номер журнала, а теперь мы имеем честь поздравить с 65-летием нашего главного редактора академика Алексея Афанасьевича Яшина. Как человек по жизни скромный и, что называется, нелавролюбивый, Алексей Афанасьевич просил особо не акцентировать внимание не его «коротком» юбилее, но редакция и редколлегия «Приокских зорь» убедила его: все что ни пишется на страницах журнала — только для поднятия его реноме, его престижа и известности в читательских и литературных кругах России и Зарубежья.

Ответственный секретарь «Приокских зорь» Геннадий Маркин побеседовал с главным редактором, оформив его основные моменты в виде предлагаемого ниже интервью.

- Алексей Афанасьевич! С Юбилеем Вас! Как человек военно-морского воспитания, лауреат Каверинской премии в почетной номинации «За верность Северу и Северному флоту», Вы более всего уважаете дисциплинирующую краткость в речах и морскую терминологию. Поэтому скажу от имени редколлегии и редакции «Приокских зорь», от лица наших многочисленных читателей в России и за рубежом: Дай Вам, дорогой Алексей Афанасьевич, крепкого северного здоровья, дальнейших творческих успехов и побед на ниве великой русской литературы и отечественной науки, и чтобы тяжелый ракетный крейсер «Приокские зори» под Вашим мудрым и дальновидным капитанством гордо и целеустремленно рассекал волны и волнишки нашего неустроенного моря-океана жизни, сея разумное, доброе, вечное!
- Спасибо, Геннадий Николаевич, за добрые пожелания. Отвечу как академик Российской академии военных наук: «Есть! Служу русской литературе!» Действительно, я не любитель выносить что-то личное на публику, жизненные даты в том числе. Но Вы, Геннадий Николаевич, другие члены редколлегии и редакции доходчиво объяснили мне в том смысле, что «прежде думай о Родине, а потом о себе». «Приокские зори» неотъемлемая частица современной русской литературы, а может не частица, а часть? Льстим себя надеждой. Я же в подобных ситуациях всегда вспоминаю слова апостола Павла: «Не нам, не нам, и Имени Твоему».

...Кстати, историческим образцом личной скромности полагаю императора Павла Первого, ибо на серебряных рублевиках своего царствования он велел чеканить не свой портрет, как то принято с античных времен, а названные выше слова апостола Павла. Правда, этому, одному из умнейших и дальновидных русских царей не повезло ни в литературной, ни в историко-политической памяти. В первой его оболгал автор «Подпоручика Киже», а в части второй поработали на славу агенты влияния «англичанки», как в XIX веке язвительно называли Британскую империю.

Впрочем, я сел на любимого конька, поэтому историко-литературные реминисценции «закругляю».

- А жаль, Алексей Афанасьевич. Ваш аргументированный, фактологический, во многом оригинальный подход в этой области, равно как и в других направлениях Вашей многогранной деятельности, хорошо знаком широкому кругу Ваших читателей и почитателей. В этом смысле лично для меня стал открытием Ваш роман «Историк и его История», за который Вы были удостоены премии им. Л. Н. Толстого. Кстати, Алексей Афанасьевич, сколько у Вас издано книг и лауреатом каких литературных премий Вы являетесь?
- Число книг романов, отдельно изданных повестей и сборников, скорее циклов, рассказов вплотную приблизилось к двадцати пяти: «углу», как называл эту цифру один из героев бессмертной поэмы Николая Васильевича Гоголя. А ведь углов-то обычно бывает четыре? Так что есть еще чем заполнять оставшиеся три...

По поводу лауреатств. Опять же вспоминая апостола Павла, скажу: здесь я не стремлюсь к их количеству, но и себе цену знаю. Я, вообще говоря, из тех людей, в отношении которых кто-то из великих, может Бернард Шоу, или Оскар Уайльд, сказал: «Мне не важно, что думают обо мне; важно — что я думаю о себе сам». Это высший принцип самооценки... и самокритики, конечно. А главное — все эти лауреатства, число их достигло десяти, связанные с именами Л. Н. Толстого, Н. А. Некрасова, А. П. Чехова, Владимира Маяковского, Александра Фадеева, Валентина Пикуля, Ярослава Смелякова, Вениамина Каверина, Георгия Гребенщикова, полагаю в определенной степени и отнесенными «на счет» нашего журнала. В том смысле, конечно, что лауреатства даются не за «главредактирование», присуждаются за личное литературное творчество, но — главный редактор есть, в определенном смысле, боевое знамя журнала, а чем больше наград на знамени... словом, думаю, ассоциация понятна. «Не нам, не нам...»

- Алексей Афанасьевич, Ваша прямота и искренность в мыслях и словах хорошо всем известны. А, судя по началу нашей с Вами беседы, Вы ставите на первое место в своей деятельности именно журнал «Приокские зори», созданный и движимый Вами. Я правильно сделал акцент?
- Совершенно правильно, Геннадий Николаевич. В точку попали. Как гласит очень известная русская пословица... впрочем, нет, не буду ее приводить, ибо в нашем царстве-государстве начался очередной (а сколько их впереди еще будет?) виток «борьбы» с так называемыми вредными привычками. Не подумайте плохо: речь идет не о казнокрадстве, чиновничьей коррупции, безудержном частнонакопительстве это не привычки, а реальный фактор жизни. Поэтому позвольте пословицу несколько перефразировать: что у правдивого человека в голове, то и на языке. Хотя такие люди ныне не в чести. Как у власть имущих, так и безликой масс-медиа.

Не зацикливаюсь на своем — с полным правом это говорю — детище: ордена Г. Р. Державина, медалей М. В. Ломоносова и Н. А. Некрасова всероссийском литературно-художественном и публицистическом журнале «Приокские зори». Я достаточно хладнокровно и логически выверено «распределяю» себя по областям деятельности: литературное творчество, литературная же и историко-философская публицистика, наука, связанная с биофизикой, математикой, теорией эволюции, ноосферологией и пр. научно-педагогическая деятельность и выполнение многохлопотных редакторских обязанностей... Нет, не так сказал: обязанность — это нечто добровольнопринудительное, а я же отношусь к «Приокским зорям» именно как к своему детищу, уже отпущенному в автономное плавание.

...Точно также я не употребляю слова «работа» — это от «раба», а всегда говорю: труд, ибо именно труд, тем более творческий, отличает человека от подневольного робота. Заметили, что в современных СМИ и в разговорной речи «работа» напрочь вытеснила «труд»? Это многозначительно и симптоматично.

«Приокские зори», как многие наши авторы отмечают в письмах в редакцию, говоря изустно, есть уникальное явление в современном отечественном литературном процессе. Дело даже не в том, что возник он и продолжается на «пустом финансовом месте». Экая невидаль в наше, говоря словами первого президента РСФСР, а потом РФ, динамичное и энергичное время! Кто из изданий современной литературной периодики это «место» имеет? — Правда, мы напрочь отрицаем порочную в своей основе практику взимания с авторов платы на публикации...

Даже не в том дело, что журнал издается в провинции, хотя бы и не далекой от столицы, но уже является всероссийским и де-факто международным, входит в число наиболее читаемых в России. Это факт.

Эти «даже» можно продолжить. Дело в том, что «Приокские зори» равняются, говоря языком военных, на недосягаемые образцы русской классической литературно-журнальной периодики: «Современник» А. С. Пушкина, возрожденный впоследствии Н. А. Некрасовым, но особенно — некрасовские «Отечественные записки», через которые увидела свет и стала мировым феноменом русская литература второй половины XIX — начала XX века, в свою очередь, породившая достойного преемника: литературу советского периода истории России.

То есть, «Приокские зори» есть классический русский литературный журнал, не ангажированный в плане политических и конфессиональных идеологий, литературных групповщин и рассчитанной на масс-медиа-вкус публицистики. Для нас одинаково неприемлемы ни ультрапатриотическое шапкозакидательство, ни примитивно понимаемый интернационализм — по принципу: каждой сестре по серьгам... Подчеркиваю: «Приокские зори» — журнал русской литературы, следующий выверенным канонам журнальной классики XIX—XX веков. Понятно, что это никоим образом не означает некой «замшелости», кондовости и пр. Мы живем в совершенно иное время, нравится это кому, а скорее не нравится, потому на страницах журнала литературно отображается наша реальность, но отражается неискаженным русским языком по тем же самым выверенным канонам. На том, как говорится, и стоим.

- Как говорил Станиславский: верю! И читатели верят с первого номера журнала. А верят ли в высокую, актуальную миссию «Приокских зорь» те лица, юридические и физические, на которых возложена сейчас ответственность культуртрегерского характера?
- Чувствуется, Геннадий Николаевич, в самой постановке вопроса корректность формулировки, выдающая юриста. Это я с добрым юмором говорю. А по сути? По сути, по существу заданного вопроса нытьем и политкорректными эвфемизмами утомлять не буду. Кто сейчас по определению должен поддерживать литературный процесс, а значит, в идеале, и миссию «Приокских зорь»? Хотя бы по «географическому» признаку, по месту издания журнала. Любой незаангажированный человек пальцем в небо попадет, назвав администрации областного и городского уровней в лице их департаментов культуры и областную писательскую организацию. Последних, правда, две: от Союза писателей России и от Союза российских писателей. Но редколлегия журнала сформирована из членов первой из названных, а духовные потомки «апрелевцев» как-то сами по себе. Так что далее имеем в виду только Союз писателей России правопреемник СП СССР.

И администрацию упоминаем только областную; городская пусть городом занимается: зимой на улицу страшно выйти — сплошной гололед; редкие в эту пору дворники-среднеазиаты похохатывают: «Гдэ пэсок? А пэсок ыз Кара-Кума на арба вэзут!»

...Что касается обладминистрации, то уже не раз писал в передовицах «Приокских зорь»: никакой поддержки, даже моральной, уже третью администрацию — по

числу губернаторских сроков — мы не имеем и даже минимальных надежд на будущее не имеем. А наш славный писательский союз, тем более, в состав редколлегии входит руководство как областной писательской организации, так и собственно Союза писателей России? — Они бы и рады помочь, да сами на «марочной диете». Но морально, отчасти и организационно, мы их присутствие ощущаем.

Куда более серьезную организационную поддержку журнал получает от Академии российской литературы, президент которой Леонид Васильевич Ханбеков входит в редколлегию «Приоксих зорь», а ваш покорный слуга — член Правления академии, а также от Творческого клуба «Московский Парнас», также возглавляемого Л. В. Ханбековым.

«Но ведь журнал исправно и в срок выходит уже восемь лет,— скажет наш читатель,— значит кто-то оплачивает печатание его тиража и хлопотную по затратам подготовку каждого номера: от его формирования до изготовления типографского оригинал-макета?»

Да, даже в благом деле без материальных затрат не обойтись. Здесь огромное спасибо ректору Тульского госуниверситета Михаилу Васильевичу Грязеву. Понимая всю актуальность, роль поддержания литературного процесса в современной России, Михаил Васильевич патронирует наш журнал в части печатания его тиража в университетском издательстве-типографии. А благословение на издание журнала дал еще прежний ректор Эдуард Михайлович Соколов.

- Но ведь затрат, в том числе финансовых, требует, как Вы только что сказали, полный процесс подготовки каждого номера?
- Давайте, Геннадий Николаевич, закончим нашу «бухгалтерию»; при всей ее актуальности. Просто у меня уже выработался рефлекс, как у собаки академика Павлова: как только я вполне искренне отвечаю на этот вопрос, что-де все (немалые) расходы по подготовке номеров к печати уже девятый год оплачиваю из своего скудного профессорского жалованья (для справки: 16 тысяч «чистыми» среднее по России)... так собеседник, независимо от его ранга и статуса, начинает задумчиво смотреть на потолок или на ясно небушко и тотчас переводит разговор на другую тему. Почему-то при этом неудобство испытываю именно я, чуть ли не юродивым из «Бориса Годунова» себя ощущая... Вообще говоря, что-то просить для меня мука смертная. Сказывается военно-морское и староверческое, неправильно называемое «старообрядческим», воспитание.
- Хорошо, Алексей Афанасьевич, дело с «бухгалтерией» на поверхности лежит. Тем более, что у Вас есть когорта тщательно подобранных, верных и трудолюбивых помощников, не имеющих этой «копеечки» за душой, но для которых «Приокские зори» давно стали родным и первостепенным делом.
- Опять в точку попали, Геннадий Николаевич! И в том, что такая когорта долго и тщательно подбиралась, а тем более помощники у меня верные, трудолюбивые, талантливые и бескорыстные. В последнем слове я, конечно, акцент не на пресловутой «копеечке» делаю...

Это, прежде всего, наша великолепная виртуальная редакция и редколлегия; виртуальная, безо всяких кавычек, потому, что члены редколлегии и активисты редколлегии рассредоточены по разным весям и странам: от Тулы и Щекино до ближней Москвы, до дальних восточных Тольятти и Красноярского края, а на запад — до Калининграда, латвийской Юрмалы и ближне-восточного Иерусалима. По именам не называю, мы не на партхозактиве с его атрибутом — оргвыводами, ибо имена эти на слуху у всех знающих, а значит и читающих «Приокские зори». Главное, в редколлегии и редакции почти нет «свадебных генералов». И еще: начнешь перечислять активистов — неперечисленные обидятся, перечислишь всех — у активистов в душе чер-

воточинка сомнения появится. Куда ни кинь — всюду клин, повторимся. А я хотя и суров видом и делами, но все в той же душе щепетилен и мягкосердечен в оценке конкретных людей: если, конечно, они не просто люди, но человеки! А таковых в редколлегии и редакции — большинство.

- ...Все же, если встать, как мы помним из школьных уроков физики, на некую точку «удаленного наблюдателя» и посмотреть на Ваше и наше, конечно, как Вы только что сказали детище, то возникает чувство уважительного удивления: как при полном отсутствии извините, Алексей Афанасьевич, за последнее упоминание о «бухгалтерии» финансирования в революционно-короткие сроки была создана такая мощная инфраструктура журнала, что и не снилась «толстым» столичным журналам с традиционными «именами»?
- Это Вы хорошо, Геннадий Николаевич, про инфраструктуру сказали. Как с добрым юмором говорит наша секретарь редакции: «Самая хорошая должность была у Льва Толстого граф; чем хотел заниматься, тем и занимался». Вот и тульские литераторы, правда, не все, обиженные тем, что «Приокские зори» изначально не стали местечковым изданием, печатающим «своих», порой вроде как с юмором, но с серьезным выражением лиц, замечают в мой адрес в том смысле, что хорошо-де быть главным редактором: захотел организовал под эгидой журнала сразу две серии авторских книг «Библиотека журнала «Приокские зори» и «Приложение к журналу «Приокские зори» (кстати, они же упорно бойкотируют эти серии...); еще чего-то захотел присовокупил к ним в качестве журнала-учредителя литературно-музыкальный альманах «Ковчег»...

Еще немного на досуге поразмышлял — и учредил при журнале всероссийскую литературную премию «Левша» имени Н. С. Лескова, затем «организовал» награды журналу и активным членам редакции и редколлегии. И так далее.

...Может графу Толстому все проще давалось в его организационной деятельности, не говоря уже о великом таланте и всемирной славе, но создание инфраструктуры «Приокских зорь» есть дело архиважное для реноме журнала и многотрудное для главного редактора, но особенно — для членов редакции и активных членов редколлегии.

И еще мы в данном вопросе равняемся на большого друга и члена редколлегии «Приокских зорь», президента Академии российской литературы Леонида Васильевича Ханбекова, издающего альманах, а де-факто полноформатный журнал «Московский Парнас». В качестве инфраструктуры «Московского Парнаса» издается ряд серий-антологий современной прозы, поэзии, публицистики, критики, перевода, в которых представлена широкая панорама современного литературного процесса в России и русскоязычном Зарубежье. Здесь нам есть на что равняться!

...Еще одна инвектива в адрес «обиженных» на «Приокские зори»: людям, удаленным от конкретных дел по организации журнального дела, а то и вообще от своего прежнего писательства оставившими только членские билеты писательской организации, видится только верхушка айсберга: всероссийский статус журнала, кстати, имеющего госрегистрацию, то есть это не «самиздат», его обширная инфраструктура, награды, премии-лауреатства и пр. Но они и думать не хотят, что все это есть лишь констатация факта неимоверных трудовых усилий, таланта, не дающей себе спуска трудоспособности, увлеченности и так далее. Господь им судья!

— Алексей Афанасьевич, о журнале много сказано — конечно, в рамках интервью, ибо тема эта бесконечна. Да и «агитировать за советскую власть» в данном случае излишне: «Приокские зори» сами за себя все скажут. И говорят уже восемь лет, естественно. Зная Вашу неординарную натуру, так сказать, читателю и почитателю будет небезынтересно знать: над чем сейчас работает Яшин-писатель и Яшин-ученый? Ведь 65 лет — пик мудрости и раскрытия творческого потенциала.

— Это вы, Геннадий Николаевич, правильно определили возраст «короткого» юбилея. Скажу больше, не преувеличивая и не преуменьшая: я — потомок староверов, неверно называемых старообрядцами; по матери — из архангелогородских «поморцев», по отцу — из калужских «поповцев». А к этим трудникам русской земли напрямую относятся известные слова остряка Бисмарка: «Русский мужик долго запрягает, зато потом быстро скачет». Правда, пока он запрягает, уже все должности заняты более темпераментными... Это уже наш полуюмор-полуправда. Но я человек не лавролюбивый и спокойно к этому отношусь.

Чувствую себя — у староверов этот возраст соотносится со второй молодостью — хорошо, оптимистично, а творческая «продуктивность» не имеет тенденции к замедлению. Скорее, наоборот.

В плане литературном, личного литературного творчества не нытьем о плачевной судьбе современного писателя в России занимаюсь, а тружусь. В прошлом году издал два романа — «Видение на Патмосе» и «Квадратная пустота» и книгу художественной публицистики «Будни главного редактора», не считая сотни публикаций в литературной периодике.

За «Видение на Патмосе» стал лауреатом престижной всероссийской литературной премии «Белуха»; две другие книги представлены, соответственно, на не менее престижные всероссийские премии: Бунинскую и Горьковскую. Сейчас подготовил к изданию книгу «Дэкаф: Северные повести», действие которых происходит на моей «исторической» родине — в городе Воинской славы Полярном, колыбели Краснознаменного Северного флота. Кстати, в прошлом же году стал первым лауреатом Каверинского конкурса в почетной номинации «За верность Северу и Северному флоту»...

В этом номере «Приокских зорь» — с любезного разрешения редакции, сделавшей мне этот подарок к юбилею — публикуется только что написанный цикл рассказов «Картинки с выставки». Тема архизлободневная: «очиновнивание» России и дефакто уничтожение отечественной науки. Кстати, и верховная власть, судя по ее заявлениям, вот-вот возьмется за исправление «перегибов» в этой части. Давно пора, если уже не поздно... А дальше? — Как говорил Маяковский, планов громадье.

В плане научном все тоже идет по намеченному долгосрочному плану. Успешно работает, получая все новые, существенные научные результаты, созданная мною еще в 90-х годах Тульская научная школа биофизики полей и излучений и биоинформатики, получившая всероссийскую и международную известность; отчасти и признания. Досадными здесь являются два момента: полное отсутствие финансирования и притока свежих кадров, желающих заниматься серьезными исследованиями. Впрочем, это общая беда современной отечественной науки.

... А раз нет финансирования, нет лабораторий и кадров «юношей умом пытливых», то человеку творческому остается только самое сложное в науке, требующее полной самоотдачи и недюжинного творческого ума, но зато не зависящее от «зеленых», «кремовых» и «деревянных», а именно: создание своей науки, своей теории и концепции.

...Поняв эту самоочевидную сейчас истину, вот уже пять лет создаю такую свою науку под названием «Живая материя и феноменология ноосферы», проще говоря, развиваю на современном уровне знания исходную концепцию великого русского и советского ученого Владимира Ивановича Вернадского о переходе Земли в ее новое биогеохимическое состояние: от биосферы к ноосфере...

— Да-а, дух захватывает от такой устремленности и, так сказать, научной сосредоточенности. И Ваша теория признается научным миром?

— Думаю, что признается. Ни слова критических замечаний, зато полное одобрение. В частности, на только что прошедшей в Северной столице Международной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения академика Вернадского, на которую я представил пленарный доклад «Глобализация как ноосферный процесс».

Понятно, что в этой части своей научной деятельности имею лауреатства, награды и так далее. Избран академиком профильной в ноосферологии академии наук.

Сейчас начал активную работу над десятым томом своей серии книг «Живая материя и феноменология ноосферы» (9 томов уже изданы центральными издательствами, некоторые книги — уже вторым изданием...), который озаглавил как «Феноменология ноосферы: Струнный квартет, или аналоговое и цифровое мышление»...

- Извините, Алексей Афанасьевич, еще раз перебью: это примерно на ту же тему, на которую в прошлом году на страницах «Приокских зорь» прошла иниципрованная Вами всероссийская и международная дискуссия?
- В «Приокских зорях» мы коснулись только частной составляющей темы, относящейся к литературному творчеству. На самом же деле этот том, как и все предыдущие девять томов серии, суть сугубо научное исследование, с десятками и даже сотнями теорем и лемм, самым современным математическим, физическим, биологическим, информационным аппаратом.
- Дай Вам, Алексей Афанасьевич, Бог дальнейших, незаурядных успехов на ниве литературы и науки! Все же не зря Вы в своей публицистике называете себя амбидекстром, поясняя: это тип биологической конституции человека, у которого в равной степени развито как творческое, так и логическое мышление. Говорю с Ваших слов, надеюсь, ничего не спутал. И все же позвольте последний вопрос, ответ на который будет воспринят всеми читателями «Приокских зорь» со вниманием и пониманием. Тем более он в контексте «Колонки главного редактора» настоящего номера: кто сейчас «правит бал» в отечественной литературе?
- А нет сейчас бала, уважаемый Геннадий Николаевич. В упомянутой Вами «Колонке» это все по пунктам и пунктикам расписано. Если вы имеете в виду «пиарщиков», то здесь исправно работает старый прием, который я окрестил «тактикой Бомарше». При чем здесь автор прославленных «Севильского цирюльника» и «Свадьбы (женитьбы) Фигаро»? скажет читатель недоумевая. А при том, что Бомарше Пьер Огюст Карон прославился-то не своими комедиями: его через них прославили позже Моцарт и Россини.

Вообще говоря, Бомарше срисовал Фигаро с себя. Он постоянно ввязывался во всякие мелкие авантюры, чем-то торговал, даже оружием во Французскую революцию. Постоянно разорялся. Но однажды, обидевшись на своего должника, человека солидного, но скупого, который не пожелал отдать Бомарше какую-то мелочь (во франках), Пьер Огюст завалил того судебными исками, а весь процесс описал в книге «Mémoires», которая и принесла ему «всефранцузскую» славу. Так что первым пиарщиком был Бомарше...

А потом, Геннадий Николаевич, кому этот бал сейчас нужен? — Людям, для которых уже явью стала некогда фантастическая жизнь, описанная Джорджем Оруэллом в его знаменитом романе «1984»? Честно и откровенно, по военно-морскому, говоря, сам я с высокой колокольни ... вижу всех своих мелких пакостников, завистников, интриганов и пр., что вроде как — по их мнению — должно усложнять мне жизнь. Усложнить ее невозможно, ибо сам ее избрал такую, какая она есть. Но мне столь же искренне, честно и откровенно жаль... их самих. Они-то какую жизнь себе избрали?

На этой грустноватой ноте, Геннадий Николаевич, давайте и завершим наше юбилейное интервью.

— Спасибо, дорогой Алексей Афанасьевич за содержательную и откровенную беседу. Главное, знайте и будьте уверены: экипаж «Приокских зорь» всегда под Вашим командованием идет к намеченной цели.

ПОЗДРАВЛЕНИЯ ПИСАТЕЛЮ, УЧЕНОМУ, СЕВЕРОМОРЦУ, ЮБИЛЯРУ

Писатель славный и ученый, и в этом равных ему нет, природой щедро одаренный, на многое он даст ответ!

Ему подвластны сонмы чисел и слов безбрежная страна, редактор главный и учитель, в душе его всегда весна!

И в этот день, день юбилейный, Хочу от сердца пожелать Открытий, счастья и везений, И книг побольше издавать!

> Анна Барсова (Барсегян), г. Екатеринбург

> > Алексею Яшину посвящается

ГРАДУСНИК ИСЦЕЛЯЮЩИЙ

За годы многотрудной врачебной практики убедился в том, что, перефразируя евангельское изречение — «не одним лекарством только жив больной, но и всяким словом, исходящим из уст врача». А иногда только от общения с ним.

Это было давно. Я был молод и уверен, что знаю все болезни и все лекарства от них. Лекарств было не так много, как сейчас.

Я сижу в кабинете сельской амбулатории и веду прием. В череде разных больных самыми частыми были старые женщины, попросту — старушки. Жалобы их разнообразны и неопределенны.

«Ой, чтой-то недужится».

«Вот здесь так и крутит, так и крутит»

Или — «Мозжит плечо, спасу нет».

Иногда — «Оправиться не могу. Пять ден на двор не ходила».

Чаще — «Чтой-то не так со мной, а что — не пойму».

Сначала я терялся под напором этих экзотических жалоб. В учебниках, недавно проштудированных, о таких жалобах ни слова сказано не было.

Вскоре убедился, что сама процедура осмотра доставляет им массу удовольствия. Чем дольше она длится, тем более удовлетворенными они уходят.

Я кладу ладонь на дряблый старушечий живот и спрашиваю — болит?

- Да, врач. Чуток правее, а отдает вот сюда, под дых,— отвечает моя очередная престарелая пациентка.
  - A здесь?
  - И здесь тоже.

Потом я выслушиваю глухо звучащие тоны старого сердца и вновь возвращаюсь к обследованию живота. Теперь все наоборот — «чуток левее», «отдает вниз, прямо в лоно». И болит уже не «здесь», а «там».

Долго ломал голову, какой диагноз ставить. Но пока «голову ломал», мои престарелые пациентки вставали с кушетки, приводили свою одежду в порядок и со словами «спасибо, Петрович, полегчало», покидали кабинет. Не помню, выписывал ли я в таких случаях лекарства.

И в моей юной врачебной голове складывался диагноз «усталость от тяжелой крестьянской жизни», а в карточку писал «астенический синдром». Может, и было что-то более серьезное с их здоровьем, да в сельской амбулатории докопаться до истинного диагноза не было никакой возможности. Поначалу говорил им, что надо ехать в район, обследоваться, но ни одна из них меня не послушала. Хотя на улице при встрече со мной раскланивались уважительно.

Убедил меня окончательно в правоте перефразированного евангельского выражения вот какой случай.

На один из приемов входит старая женщина, неоднократно посещавшая мой кабинет. Если память не изменяет, звали ее Прасковья Петровна. Мы уже привыкли друг к другу. Я звал ее просто Петровной. Она меня Петровичем.

- Петрович, занедужила. Посмотри.
- Что болит? спрашиваю.
- Да, все. Тело ломит, руками не владаю. В голове стучит.

Меряю давление.

— Петровна, молодцом — 140 на 90. Мне бы такое, — говорю, чтобы польстить и усилить впечатление, мол, у молодых такое давление, а ты старая. — Может, температура у тебя? — подстраиваюсь я под просторечье. — Давай-ка померим.

Моя Петровна пересаживается со стула на кушетку, раздвигает на груди вязаную фуфайку и прячет под мышку градусник.

— Надоели мы тебе, Петрович,— начинает она через минуту.— Ходим с болячками своими, только время отнимаем. Намедни тоже вот голова разболелась. Дай, думаю, к Петровичу схожу. Пока прибралась, голова прошла. Видать, угорела. Трубу давно не чистили. А так бы пришла, время отняла.

Я ищу ее карточку, и, нашедши, начинаю делать запись.

— Вчера по телевизору показывали, землетрясение где-то было. Не запомнила. Ты не видел? — продолжает она.— Страсть сколько народу погибло. Все черные, худые. Дети малые криком кричат. Не приведи Господь. А еще показывали, одна такая молоденькая, красивая из себя, про медицину рассказывала. Так складно. Чего только врачи сейчас не могут. И то вылечат, и это.

В свою очередь польстить мне хочет Петровна.

— А у Фроськи, знаешь, деверь заболел. Он из Иванькова сам. Хороший мужик. Не пьющий. Болел, болел. Поехал в район, там, говорят, рак у него. Надо же.

Я закончил делать запись в карточке.

— Давай, Петровна, градусник. Сколько там набежало?

Петровна слезает с кушетки, протягивает мне градусник, застегивает фуфайку на груди и направляется к двери.

- Куда же ты, Петровна? А температура?
- Легче мне, Петрович. Засиделась тут у тебя. Дойка скоро. Пойду я.

Не помню, какой диагноз тогда записал в ее карточку. Главное, легче ей стало.

* * *

Глубокоуважаемый Алексей Афанасьевич!

С искренним чувством произношу эти слова, ибо глубоко уважаю Вас за титанический труд по сбережению русской литературы в этот «постлитературный период». Созданием и изданием «Приокских Зорь» Вы с полным правом можете сказать — *Exegimonumentum*! Есть стихотворение: «...*твой (Ваш — Р. А.) труд прекрасен, /ты (Вы) отверзаешь тем уста, кто сам безгласен»*. Нам, не имевшим сказать свое слово в современном литературном «пространстве», Вы дали редкую возможность это сделать, проявляя полную нелицеприятность и истинный демократизм. Низкий поклон Вам за это.

Знаю о многих Ваших талантах — ученого с мировым именем, профессионала в самых важных областях науки — биофизике и медицине, блестящего литератора, неутомимо работающего и сделавшего уже очень много. Потому, как врач, желаю Вам многих физических и творческих сил на многие же годы.

Рудольф Артамонов, профессор, лауреат всероссийской премии «Левша» им. Н.С. Лескова, г. Москва

УВАЖАЕМЫЙ АЛЕКСЕЙ АФАНАСЬЕВИЧ!

В день Вашего юбилея примите мои искренние и сердечные поздравления! Я благодарен судьбе и провидению, которые позволили мне встретить в жизни такого замечательного человека, как Вы — Алексей Афанасьевич.

Может быть, везение и случайная вещь, но встреча с Вами произошла совсем не случайно, когда провидение натолкнуло меня в море Интернета на адрес тульского журнала «Приокские зори». Оно же послало мне в Вашем лице главного редактора этого журнала. Благодаря Вашему по-человечески чуткому отношению ко всем обращающимся в журнал авторам и происходят творческие открытия, освещенные лучами «Приокских зорь».

В силу своего жизненного опыта мне известно, как бывает порой нелегко руководить коллективом. Но мой скромный опыт ничто по сравнению с тем, что приходится делать Вам. В условиях, когда в журнале публикуются разнохарактерные авторы, когда нет помощи со стороны власть предержащих, да и сама обстановка в нашем государстве не способствует развитию литературы, Вам удается не только руководить выпуском солидного журнала с 2005-го года, но и заниматься плодотворным литературным трудом. Продолжая при этом и основную деятельность на научной ниве. Это поистине титанический и подвижнический труд!

Поэтому нет предела моему восхищению Вашими талантами, Вашей работоспособностью, Вашим оптимизмом и Вашей энергией, дорогой Алексей Афанасьевич!

Желаю Вам долгие годы такой плодотворной и интересной жизни! И пусть Бог даст Вам на эти годы здоровья и любви.

Не мог удержаться от желания посвятить Вам несколько зарифмованных строк:

Бог щедро Вам таланты раздает: Все для того, чтобы мечтать о новом, Крепить Россию, двигая вперед Науку, технологию и слово.

Как много Вам досталось одному: Вы физик, математик и биолог.

А свет от зорь Приокских на страну Пусть льется вечно и лучист и долог.

Трудом всего достигли на пути, В себе таланты многие растили, Еще вперед идти Вам и идти, И прославлять служением Россию!

Сергей Лебедев, лауреат всероссийской премии «Левша» им. Н. С. Лескова, г. Тольятти

На Высших литературных курсах Литературного института им. А. М. Горького в рамках курса семинаров «Издатели России» прошел семинар, посвященный известному русскому прозаику и публицисту, главному редактору всероссийского литературно-художественного и публицистического журнала «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ» ЯШИНУ АЛЕКСЕЮ АФАНАСЬЕВИЧУ.

Семинар вели проректор ВЛК Валентин Васильевич СОРОКИН и староста семинара поэзии Нина ПОПОВА. Слушателей первого и второго курсов ознакомили с последними выпусками журнала «Приокские зори», староста семинара сделала информационный доклад о литературной и научной деятельности Алексея Афанасьевича, коснулась его сотрудничества с Академией российской литературы, членом Правления которой он является. Слушатели также были ознакомлены с кратким обзором романа А. Яшина «Видение на Патмосе» и выдержкой из колонки главного редактора, как пример ведения дискуссионной актуальной редакционной полемики на страницах периодических изданий.

Было принято решение отправить поздравительную телеграмму Алексею Афанасьевичу в связи с наступающим 65-летием.

Староста семинара поэзии ВЛК Нина Попова, г. Москва

Выдающийся современный русский поэт, проректор по ВЛК Литературного института им. А. М. Горького, лауреат многих литературных премий Валентин Васильевич Сорокин и староста семинара поэзии ВЛК Нина Попова

Министерство образования и науки Федеральное агентство по образованию

ВЫСШИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ КУРСЫ Литературного института имени А.М.ГОРЬКОГО

Дорогой Алексей Афанасьевич!

Высшие литературные курсы Литературного института им. Горького поздравляют Вас с прекрасным авторитетным юбилеем - 65-летием! Благодарим Вас за творческое дружелюбие, желаем Вам успехов, вдохновения и трудолюбия в жизни и творчестве!

Проректор ВЛК, руководитель семинара поэзни В. Сфокм сорокин В. В. Староста семинара поэзни Яволова попова н. В.

ПОЗДРАВЛЕНИЯ ИЗ АФРИКИ

Направляю две фотографии. На фото я изображен со своими учениками («дети разных народов», как я это называю). На плакатах, которые ребята сами изготовили, по-португальски написано: «Привет журналу «Приокские зори»!» и «Наши поздравления, сеньор Яшин!» Пальма и алоэ дополняют экзотический колорит.

Игорь Карлов, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова, г. Мапуту, Мозамбик

С ЮБИЛЕЕМ ВАС, ДОРОГОЙ СЕВЕРОМОРЕЦ АЛЕКСЕЙ АФАНАСЬЕВИЧ!

От души, как почитатель Вашего таланта и зав. отделом нашего журнала «Приокские зори», что по военно-морской терминологии, наверное, соответствует командиру боевой части корабля (это Ваши слова), поздравляю Вас с Юбилеем!

Читаю Ваши новые книги. «Николай Андреянович» — прочное детище. Оно прочно не только широким масштабом описания, но и языком русским. Он у Вас из века девятнадцатого — красивый и многозвучный, да еще успешно сочетающийся с современными словами и ироничным взглядом на происходящее.

«Будни главного редактора» просмотрела. Получился многогранный образ литературного деятеля. Хороший подарок к юбилею Вы себе сотворили. И я рада, что оказалась соучастником Вашего детища. Однако хотелось бы и на бумаге увидеть «Будни». Сколько бы я ни ратовала за единство существования бумажной и электронной книги, душа моя тяготеет к страницам, которые можно перевернуть, пролистать, почуять запах бумаги молодой книги или уже постоявшей на полке. Словом, бумажная книга — первее. Получила первый номер журнала «ПЗ». Хорошее, добротное издание.

Удачи в делах! Понимания коллегами Ваших дел великих» И в самом деле: Вы

на первый уровень выводите свой город в литературе, поддерживаете туляка Л. Н. Толстого. Слышу, как Вы отвечаете: не одного Толстого. Да этот великан по силе многих стоит.

Творчества неиссякаемого!

Ирина Кедрова, профессор, зав. отделом критики «Приокских зорь», г. Москва

РУЛЕВОЙ

Жестокий век людей ломает с хрустом. Как, впрочем, и в иные времена. Но Яшину известна сила чувства И знает боль и гнев его душа.

Ученый, романист, большой писатель, Познавший жизнь и вдоль, и поперек, Как публицист, историк и издатель Он знает вечной истины исток.

Он — человек, не ведающий страха, В нем твердый стержень жизни светлой есть. Он пригвоздит любого супостата, Который навсегда утратил честь.

Он — Тулы сын и верный сын России. Во имя правды — истины святой, Он отдает стране любимой силы Своим пером, не знающим покой.

В день юбилея Яшина работы Прибавится у почты, видит Бог. Мешками письма, телеграммы, ноты, Цветы и книги на его порог.

Доставят из Москвы и заграницы, Из ближних городов и с дальних гор. Шестое мая в праздник превратится Создателя «ПЗ» — «Приокских зорь».

Журнал несет читателям надежду И сеет веру в торжество добра. От света правды прячутся невежды, И трещины дает твердыня зла.

Ведет журнал навстречу ярким зорям Редактор главный — мудрый рулевой — Своим умом и непреклонной волей К высотам новым. Что ему покой. И истина становится нетленной: Коль жажду жить природа нам дала. И слову быть звездою во Вселенной! Не дрогнет у писателя рука!

Ведь Яшин и умен, и благороден, Хоть и не станет этим козырять. Быть может, он кому-то неугоден. Но на своем сумеет настоять.

В его душе всегда живет отвага. «Морскому волку» по зубам наш век. И для журнала это просто благо, Что им рулит прекрасный человек.

И от Москвы до самых до окраин Читать его романы каждый рад. И если б жив был Гавриил Державин, Его б стихи явились на парад

Прозаиков, ученых и поэтов, Всех тех, кому не безразлична жизнь, Кто рвется к солнцу, к радости и к свету, Чтобы Россию нашу защитить.

А книги Яшина, как верные солдаты, Стоят в строю. Стоят плечом к плечу. И в День Победы, в юбилея дату Нам рапортуют: «Родине служу!».

И всходят строки, как благие всходы Открыта настежь для друзей душа. И нет прекрасней чувства, чем свобода, Которая ему судьбой дана.

Для творчества немало лет в запасе. Еще в грядущем столько славных дат... И видится мне Яшин на Парнасе. Несет его вперед лихой Пегас.

Крылатый конь поэзии и прозы! Лети скорей на славный юбилей! Пусть без шипов все будут нынче розы. И будет счастлив Яшин Алексей!

Ведь ждет читатель новые романы В которых щедр душой его герой. И верит, что рассеются туманы Над преданной, поруганной страной.

Держись, ученый, романист, издатель, Рожденный в мае — месяце побед. Желает каждый автор и читатель: Пусть солнце вдохновенья много лет

Хранит талант и силу Алексея, Не допуская в дом его морозы. Шестое мая— дата юбилея— И Яшина и русской нашей прозы.

Дай Бог ему и бодрости, и силы, И воплощенья всех его идей. Шлет из Москвы Авдеева Людмила В дар эти строки в славный юбилей.

Людмила Авдеева, член Союза писателей России, Международной федерации журналистов, редколлегии «ПЗ», лауреат международных фестивалей и конкурсов поэзии, г. Москва

ЮБИЛЯРУ

И снова месяц май дурманит и свежит, и голову кружит в весеннем хороводе. Очнувшись ото сна, над ухом шмель жужжит... Певучий птичий хор — заздравный тост заводит...

Приходит юбилей — напоминанием нам, что вектор бурных лет, увы, не бесконечен! В небытие уйдут: весенний шум и гам, и летние дожди, и новогодья свечи...

Но за окном — рассвет в цветении садов началом бытия врывается с надеждой на радостные дни, на воплощение снов, на свежесть наших тел, здоровых, как и прежде...

Академичен сон, коль видит юбиляр на книжных полках сонм трудов своих несметных, в которых не погас души и сердца жар от зябких холодов и мыслей предрассветных.

* * *

«На островах», «В час волка», «В канцелярии»— «Живописный паноптикум» есть. «Штиль». Молчат в глубине ламинарии, да и рыбы, которых не счесть...

«Ешьте крабов!» — призыв к россиянам, от элитной верхушки привет. В СМИ неоном — не зря воссиянен обещаний обманчивый свет!

«Синий норд» — он и дышит «тяжеёло» от того, что вокруг — темнота. В прошлом — партия, нет комсомола, и страна, κ сожалению, не та.

Помнит все Николай Андреяныч, наблюдая теперешний быт. Выпив чая приличного на ночь, он над будущей книгой корпит.

Если *шахматы* — только *живые*. И *квадратная* вдрызг — *пустота...* Жизнь — другая. И люди — другие, и закуска под водку — не та.

Нужных слов не нарыть в терриконах, где пустая порода лежит. Не прописано истин в законах, только ветер бумагой шуршит.

Лихоимцы страну растащили... Мракобесы — науку блюдут... Управленцы из царства рептилий по народному телу ползут...

У чиновников — власть без предела... В списке Форбса — российская знать... Сверху — властвует слово без дела, а в низах — лучше просто молчать.

Лицемерья двойные стандарты узаконены, как шариат. Вместо планов — «дорожные карты», что ведут не вперед, а назад.

* * *

Но вот проснулся Он в сиянии наград. Десятков шесть плюс пять — на календарном блоке. Для творчества его отныне нет преград. В науке и любви — не полномочны сроки!

Пусть три по стольку лет, как числа Фибоначчи, неудержимый вал прогрессии растет! Два кластера судьбы: здоровье и удача — пусть будут рядом с ним в любой грядущий год!

Рагим Мусаев

(г. Тула)

КАТЕХИЗИС ИДЕАЛИСТОВ

Юбилейная интермедия

Действующие лица СТАЛИН,

генералиссимус, писатель **ЯШИН,**

профессор, писатель

6 мая 2013 года

ДЕЙСТВИЕ ЕДИНСТВЕННОЕ

Дача Сталина. Ночь на 1 марта 1953 года. Сталин со стаканом чая возвращается к рабочему столу.

Сталин (ворчит): Генералиссимус... Герой труда, герой Советского Союза... Председатель того, сего... А как чаю подать, так рядом никого. Надоели все. Рапортовать быстро выучились, а страну оставить не на кого. Разбазарят, прощелкают...

Яшин: Если бы вы знали, товарищ Сталин, как вы правы.

Сталин: Кто здесь?

Яшин: Это Яшин, товарищ Сталин.

Сталин: Какой такой Яшин?

Яшин: Профессор.

Сталин: Здравствуйте, товарищ Яшин. Вы, кажется, еще и писатель. Так сказать, в свободное от работы время. Правильные вещи пишете, товарищ Яшин. А этот ваш «Катехизис идеалиста» будет посильнее «Фауста» Гете.

Яшин: Стараюсь, товарищ Сталин. Вы же тоже немного пишете. Стихи, например.

Сталин: Когда это было... Только в собрание своих сочинений включать их не стал. Скажут, ему страну доверили, а он стишками балует. Объясняй потом, что это грехи молодости.

Яшин: Да, объяснять всегда трудно, особенно если твоих объяснений не хотят слышать.

Сталин: Вы про что это, товарищ Яшин? Про борьбу с культом моей личности?

Яшин: Откуда вы знаете?

Сталин: Из «Катехизиса идеалиста». Полезная, знаете ли, книжица. Значит, меня посмертно репрессируют посмертно реабилитированные? Что же, я не против.

Яшин: Что вы хотите сказать?

Сталин: Философия. Спираль развития. Только спираль на одном витке не заканчивается. За одним витком непременно следует другой, возвращающий все на круги своя. Главное, чтобы товарищи не подвели. Вот вы, товарищ Яшин, журнал с надежными товарищами делаете?

Яшин: Мы...

Сталин: Это правильно. Только репрессиями не увлекайтесь. Затягивает, знаете ли. Потом не отмоешься. Пушкина в тридцать седьмом убили. Так и того не Дантесу, а мне приписывают.

Яшин: А вы, товарищ Сталин, тоже...

Сталин: Что тоже?

Яшин: Приписывайте. В смысле пишите.

Сталин: Стихи?

Яшин: Можно стихи, можно и другое.

Сталин: Так не опубликуют! Со мной же модно бороться! Странно. В молодости охранка со мной боролась, теперь... Спираль. Философия. Не опубликуют.

Яшин: Опубликуют. Это я беру на себя.

Сталин: Хватит на сегодня, товарищ Яшин. Устал я. На покой пора. Вас же завтра ждут большие дела. А сегодня всем отдыхать пора, скоро рассвет. За окном уже заря начинается.

Яшин: Приокская. **Сталин:** Что?

Яшин: Наша заря начинается, приокская, писательская. Вы же тоже пишете, товарищ Сталин?

Сталин: Баловство. Грехи молодости. Откуда про зарю знаете, товарищ Яшин?

Яшин: Мне было видение. На Патмосе.

Сталин: Патмос, Патмос... Это греческий город?

Яшин: Это моя книга.

Сталин: Не читал. И что, не хуже «Катехизиса»? Как думаете, товарищ Яшин? Может быть, мне издать свои стихи отдельной книгой? Теперь уже все равно, что подумают. Все равно. Дальше – пустота.

Яшин: Пустота. Но не простая. Квадратная.

Рассвет.

MOCKBA 265/3/11601 156 8/4 1929=

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ ТУЛА 25 А/Я 920 ГЛАВНОМУ РЕДАКТОРУ ЖУРНАЛА ПРИОКСКИЕ ЗОРИ А А ЯШИНУ=

УВАЖАЕМЫЙ АЛЕКСЕЙ АФАНАСЬЕВИЧ

душой и неподкупной совестью

ОТ ВСЕЙ ДУШИ ПОЗДРАВЛЯЮ ВАС С ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫМ ЮБИЛЕЕМ ВАШ ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ-ЭТО ПУТЬ КОТОРЫЙ ОТКРЫЛА СОВЕТСКОМУ НАРОДУ ВЕЛИКАЯ ОКТЯБРЬСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ ПУТЬ НА КОТОРОМ УСПЕХИ ЧЕЛОВЕКА ЗАВИСЕЛИ ТОЛЬКО ОТ ЕГО ВОЛИ И ТАЛАНТА ЯРКО И МНОГОГРАННО РАСКРЫЛСЯ НЕ ТОЛЬКО ВАШ ТАЛАНТ УЧЕНОГО НО И ТАЛАНТ ЗАМЕЧАТЕЛЬНОГО ПИСАТЕЛЯ-ПРОЗАИКА МНОГИМИ НАГРАДАМИ ОТМЕЧЕНЫ ВАШИ ДАРОВАНИЯ НО ГЛАВНУЮ НАГРАДУ-ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ СЧАСТЬЕ ВЫ СОЗДАЛИ ДЛЯ СЕБЯ САМИ СВОИМИ ЗОЛОТЫМИ РУКАМИ И СВЕТЛЫМ УМОМ СВОЕЙ ДОБРОЙ

В ДЕНЬ СЛАВНОГО ЮБИЛЕЯ ПРИМИТЕ МОИ САМЫЕ ИСКРЕННИЕ ПОЖЕЛАНИЯ
КРЕПКОГО ЗДОРОВЬЯ БЛАГОПОЛУЧИЯ УСПЕХОВ ВО ВСЕХ НАПРАВЛЕНИЯХ ВАШЕЙ
НЕУТОМИМИОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДУШЕВНОГО СПОКОЙСТВИЯ СИЛЫ И МУДРОСТИ В
НАШЕЙ ОБЩЕЙ БОРЬБЕ ЗА ДОСТОЙРОЕ БУДУЩЕЕ РОССИИ

ВСЕГО САМОГО ДОБРОГО ВАМ АЛЕКСЕЙ АФАНАСЬЕВИЧ И ВАШИМ БЛИЗКИМ ПУСТЬ ВАШЕЙ ОПОРОЙ ВСЕГДА БУДУТ ВЕРНЫЕ НАДЕЖНЫЕ ДРУЗЬЯ И ЕДИНОМЫШЛЕННИКИ С УВАЖЕНИЕМ=РУКОВОДИТЕЛЬ ФРАКЦИИ КПРФ В ГОСДУМЕ РФ ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ЦК КПРФ Г А ЗЮГАНОВ-

нннн

ОАО «Ростелеком» Тульский филиал 300000 г.Тула, пр.Лепина, д.33-А

0 8 ATP 2013

Центр продаж и сервиса г.Тула 300041 г.Тула, пр.Ленина, д.22

ГЛАВНОЕ — ПОЗИЦИЯ АВТОРА

Беседа с Владимиром Вольфовичем Жириновским — Председателем ЛДПР, доктором философских наук, заслуженным юристом России в связи с юбилеем главного редактора журнала Алексея Афанасьевича Яшина.

Беседу ведет член Союза писателей России и Международной федерации журналистов, поэт, литературовед, культуролог, журналист — международник, член редколлегии нашего журнала Авдеева Людмила Евгеньевна.

- Л. А. Уважаемый Владимир Вольфович, уже несколько лет Вы постоянный автор журнала «Приокские зори» и хорошо знакомы с тематикой журнала, произведениями его авторов. В Вашей многотысячной личной библиотеке есть книги главного редактора журнала, известного прозаика, романиста Алексея Афанасьевича Яшина, для которого этот год юбилейный. Естественно, что яркий незаурядный писатель, многогранный ученый, общественный деятель получил множество поздравлений, как от своих коллег и читателей на родине, так и из-за рубежа. Вы тоже поздравили Алексея Афанасьевича, высоко оценив его творчество. Произведения Яшина вызывают у читателей нескрываемый интерес остротой своих сюжетов, неординарными героями, полемическими рассуждениями. Яшин писатель философ, исследователь, что сегодня встречается нечасто. Хотелось бы услышать Ваше мнение, как о творчестве маститого писателя, так и узнать, что для Вас является определяющим в оценке писательского труда и личности писателя.
- **В. В. Ж.** Сначала еще раз поздравляю с юбилейной датой главного редактора. 65 лет возраст замечательный. Я уже отметил такую дату и могу сказать, что это самое лучшее время зрелости мысли, творческого подъема. А вообще для меня определяющим в человеке является наряду с талантом жизненная и творческая позиция, личностный взгляд на те события, которые автор описывает. Многие писатели в противоборстве добра и зла выступают как сторонние наблюдатели, ставят проблемы, не предлагая их решения. В творчестве Алексея Яшина поднимаются самые острые актуальные проблемы современной политики, экономики, образования, состояния армии. Он дает глубокий честный анализ исторических событий, точный срез современности. Это писатель нестандартного мышления. Ведь придумать сюжет можно и не так сложно, а вот для того, чтобы его мастерски воплотить, нужен талант, который складывается из многих составляющих.
- Л. А. Вы заговорили об авторской жизненной позиции, и мне вспомнились слова Льва Толстого, писавшего, что «каждый писатель должен иметь нравственную позицию». Яшин человек исключительной порядочности, титанической работоспособности, колоссальных знаний, ведь недаром он доктор технических и биологических наук, профессор, академик. И Вы верно, Владимир Вольфович, отметили, что истин-

ный талант многогранен. Нравственный стержень писателя предполагает и наличие авторского эстетического вкуса, чувства меры, умения видеть и слышать сердцем и душой. Уметь сопереживать своим героям, а, следовательно, читателям, народу, стране.

В. В. Ж. Вне интересов народа и страны вообще не существовало никогда настоящей литературы. Литература призвана поднимать общечеловеческие темы, сохранять и приумножать духовные ценности, традиции, накопленные веками. Литература призвана участвовать в процессе разрешения современных общественных противоречий, поднимать нравственно-философские, психологические проблемы.

Вспоминаю, как в 70—80 годы у нас был бум городской прозы, а в 90-ые годы публицистики. Военная, документальная проза у нас яркая, крепкая. Интересен жанр мемуаров — воспоминания, дневники, заметки. Хорошо бы вернуться к опыту интеллектуального романа. Проблемы долга, ответственности, совести, жизни и смерти приобретают особый масштаб при проектировании на события, от которых зависит судьба страны. Короче, остаются вечные вопросы: «Что делать?», «Кто виноват?».

Л. А. И сегодня к этим вечным вопросам, поднятым в свое время Чернышевским и Герценом, прибавились поставленные нашими современниками, среди которых «Что с нами происходит?» Василия Шукшина и «Почему мы такие?» Валентина Распутина.

Наверно, немало и других не менее острых, злободневных, и на многие из них современные писатели пытаются найти ответ. Литературный процесс никогда не останавливался, вовлекая писателя во вселенское движение. Испытывая его и в период оттепелей и в периоды застоев, способствуя поиску новых художественных форм, методов, приемов, стилей, языковых средств, сюжетов. И среди этих ищущих истину юбиляр — романист Алексей Яшин.

- **В. В. Ж.** Мне нравятся такие люди, имеющие свои четкие жизненные позиции. Главный редактор энциклопедически одаренный человек, поэтому и его произведения интересно читать. В моей библиотеке собраны лучшие произведения русских и зарубежных авторов, как признанных классиков, так и современных авторов, в том числе и молодых, начинающих. Я постоянно получаю книги от прозаиков, поэтов, ученых. К сожалению, не только все прочитать, но даже просмотреть времени практически нет, но читаю я много, ежедневно. И среди прочитанного рассказы, повести, романы, публицистика мною уважаемого юбиляра.
- Л. А. Алексей Яшин действительно незаурядный романист, сочетающий талант прозаика, публициста, философа, владеющий различными литературными жанрами и при этом наделенный даром сатирика, чувствующего все оттенки иронии, гротеска, юмора. Его произведения емки и по сюжетным линиям, и по подтексту, и по глубине полемики, и по собственному авторскому литературному стилю, и их художественная и социальная значимость общепризнанна. А что из произведений Алексея Яшина произвело на Вас большее впечатление?
- **В. В. Ж.** Тематический диапазон у автора очень широкий. Он хорошо освещает страницы истории, знает проблемы армии и флота, образования и науки. Мне нравятся его Северные рассказы. Роман «Катехизис идеалиста» я прочитал быстро, с интересом. Написано мастерски. Хочу прочитать роман «Видение на Патмосе». Знаю, его хвалят, о нем спорят. Автор хорошо знает эпоху, время со всеми его деталями, чувствует материал, он необычайно наблюдателен. Когда получаю журнал «Приокские зори», вижу, сколько там действительно интересных материалов, к которым приложил руку главный редактор, человек деловой, знающий свое дело.
- **Л. А.** Да, Алексей Афанасьевич, действительно поражает своей работоспособностью, успевая не только руководить академическим серьезным литературно-худо-

жественным и публицистическим журналом, но и заниматься научной, преподавательской, общественной работой, писать дискуссионные материалы, предисловия к книгам коллег, собственные произведения, которые появляются в каждом номере журнала и выходят отдельными тиражами. Энергия и титанические усилия главного редактора дают возможность не финансируемому журналу держаться на плаву и быть востребованным не только читателями нашей страны, но и за рубежом. Теперь журнал можно читать на сайте, что расширило круг читателей при малом бумажном тираже.

- **В. В. Ж.** Сегодня очень много глянцевых журналов, ремесленнических, тусклых, унылых, малоинтересных произведений. И мне интересно участвовать в обсуждениях на страницах тульского журнала по назревшим проблемам, которые касаются русского языка и литературы, а, значит, судьбы России.
- Л. А. Вы, Владимир Вольфович, очень активно всегда участвуете в этих обсуждениях. Мы с Вами беседовали о Манифесте современного критического реализма, о роли Интернета и стандартной книги в формировании общественного сознания, в воспитательном процессе молодежи, говорили о путях сохранения величия русской литературы и о тяжелом финансовом положении современных писателей, которые серьезно относятся к творчеству. И в этом плане Алесей Яшин пример бескорыстного служения настоящей литературе.
- **В. В. Ж**. Русская литература всегда разделяла судьбу страны, отражая исторические процессы, социальные коллизии. Писатели всегда чувствовали свою сопричастность эпохе и духовному климату общества. Поэтому я желаю всем авторам «Приокских зорь», а в их лице российским писателям использовать свой жизненный опыт, знания для создания произведений, в которых жизнь будет показана во всех ее проявлениях, в которых читатель почувствует любовь писателя к родной земле, боль и ответственность за ее будущее.
- Л. А. Вы, Владимир Вольфович, совпали в своем пожелании с Аркадием Аверченко, который писал, что «Идеал писателя любовь к жизни во всех ее проявлениях, основанная на простом здравом смысле».
- **В. В. Ж.** Вот и основываясь на здравом смысле, пусть журнал во главе с заслуженным, одаренным редактором идет к новым достижениям в издательско-просветительской деятельности, открывая новые таланты. А я всегда готов сотрудничать с журналом ради духовного возрождения России.
- **Л. А.** Благодарю Вас, Владимир Вольфович, за добрые пожелания в адрес юбиляра главного редактора журнала и за интересную беседу. Желаю Вам тоже новых побед и свершений на благо России.

Беседовала Людмила Авдеева, член редколлегии «Приокских зорь»

യത്തൽ

ПОЗДРАВЛЕНИЯ ЮБИЛЯРУ В ПЕЧАТИ И НАГРАДЫ

Ряд всероссийских литературных периодических изданий и областных газет поздравили Алексея Яшина с 65-летием, как известного современного русского писателя-прозаика, публициста и организатора литературного процесса в России. С развернутым поздравлением — с публикацией творческой научной биографии А. А. Яшина вышел № 2, 2013 всероссийского теоретического и научно-практического журнала «Вестник новых медицинских технологий» (зам главного редактора — А. А. Яшин).

* * *

За верное служение отечественной литературе, активное участие во всероссийском литературном процессе и в связи с 65-летием Московская городская писательская организация Союза писателей России наградила Алексея Афанасьевича Яшина орденом А. С. Грибоедова.

* * *

Европейская академия естественных наук (Ганновер, Германия) за выдающиеся заслуги профессора А. А. Яшина в области естествознания и технических исследований, а также в связи с 65-летием присвоила юбиляру звание «Почетный изобретатель Европы» с вручением медали и диплома с текстом: «Nach dem Beschluss des Präsidiums der Europäischen Akademie der Naturwissenschaften wird Prof. Dr. Aleksej A. Jaschin für engagiertes Wirken auf dem Gebiet der wissenschaftlichen und technologischen Ergebnisse der Titel "Ehrenerfinder Europas" der Stadt Hannover verliehen.

Nr. 02, Hannover, den 30.04.2013.»

* * *

По представлению Президиума Российской академии естествознания — в рамках национальной программы «Золотой фонд отечественной науки» — Европейский научно-промышленный консорциум своим решением от 22.04.2013 (протокол 5/22.04.2-13) наградил А. А. Яшина орденом «LABORE ET SCIENTIA» — «Трудом и знанием», как ученого, внесшего большой вклад в развитие европейской науки и образования, признанный мировым научным сообществом, и в связи с 65-летием со дня рождения и 45-летием начала научно-технической деятельности.

* * *

Редколлегия и редакция ордена Г. Р. Державина всероссийского литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори» присоединяется к поздравлениям и желает Алексею Афанасьевичу, находящемуся в расцвете своей литературной, писательской и научно-исследовательской деятельности, многих новых книг, научных открытий, заслуженных наград, и чтобы «под килем» «Приокских зорь», в котором он собрал нас и призвал к верному служению великой русской словесности, всегда «было семь футов»!

(Рубрику «К Юбилею нашего главного редактора» инициировал и подготовил зав. редакцией Яков Шафран)

Алексей Яшин (г. Тула)

«КАРТИНКИ С ВЫСТАВКИ»

Цикл рассказов

ЛИЦЕНЗИЯ НА ОТЛОВ МЫШЕЙ

(Иллюстрация к картине И. Репина «Приплыли»)

◆ Прокофьич проживал со своей старухой в собственном доме в пригороде, бывшем шахтерском поселке, но обе шахты, на одной из которых — семьдесят второй — он когда-то работал, выработались, когда Леонид Ильич только-только получил вторую геройскую звезду. Так что для пенсии Прокофьич трудился по своей электромеханической части в заготовительном цехе крупного военного завода. Сам завод располагался еще с царских времен в центре города, а цех вынесли в пригород, чтобы разгрузить территорию основного производства, а главное — занять работой бывших шахтеров.

Он и по выходу на пенсию еще пяток с лишним лет проработал бы в заготцехе (мужик крепкий, шахтерской потомственной закваски), но здесь как раз начались новые времена. Завод в городе остановился — не до заготцеха, с которого в считанные дни веселые мускулистые ребята в спортивных костюмах и в кедах, которые теперь назывались кроссовками, на большегрузных «Камазах» и «КрАЗах» вывезли весь металл в листах, прутах, слябах и других формах, запасенных на целую пятилетку вперед. После чего в цех прибыли люди постарше, в основном сварщики, крановщики и такелажники, которые в неполные две недели газорезчиками превратили в металлолом все цеховые конструкции и громоздкое кузнечно-прессовое оборудование заготовительного производства. Несколько сотен тонн металла погрузили в открытые полувагоны, подогнанные по железнодорожной ветке, по которой в шахтерские времена поселка вывозили местный бурый уголь — на Рязанскую $\Gamma P \supset C$, а затем подвозили с Урала, из Сибири и с местных двух металлургических заводов сырье для заготцеха. Эшелоны с рукотворным вторсырьем ушли, как поговаривал народ, в эстонские порты, и больше в поселке-пригороде вагонов и тепловозов не видели. Все же энергичные люди еще раз появились: сняли, распилили и вывезли на грузовиках рельсы бывшей железнолорожной ветки. А здания бывшего цеха, в свое время переделанные из наружных шахтных построек, пугающе зияли при полной луне проемами на местах окон и крыш и очень быстро разрушались.

Поселковый народ перешел на подножный корм, благо в шестидесятыесемидесятые годы вместо дедовских халуп все построили добротные, просторные дома, литые из дармового шлака с ближнего металлзавода в соседнем поселкепригороде. А на положенных шести сотках при домах вовсю плодоносили яблони, груши, сливы и вишни. Меж ними — ягодные кустарники и огородные грядки. Весь поселок давно уже газифицирован. У кого не было — спешно строили хозяйственные сараи, заводили свиней, коз, не говоря уже о курах и гусях — кто жил рядом с большим поселковым прудом. Любители и наиболее предприимчивые разводили кролей и ондатр — для мяса и шкур на шапки и воротники. На продажу.

В голодные девяностые годы жители подгороднего поселка вступили подготовленными: не только сами в тепле и с мясом, яблоками и картохой выжили, но и детей своих, что в восьмидесятых годах массово двинули в город — и остались в большинстве на бобах, поддержали натурпродуктом. Да и самым надежным в те времена заработком — пенсией — делились.

И, как сейчас принято суконно-официально говорить с экранов телевизоров, демографическая обстановка в поселке сложилась к перемене века следующая: всем живущим за «полтинник», слегка разбавленным поздними детьми, заканчивающими местную школу или ездящими по утрам на рейсовом автобусе в городе на учебу в институтах и техникумах, спешно переименованными в университеты и колледжи. Все же промежуточные возраста либо в городе живут, или вахтовиками в недалекую столицу «версты полосаты» мотают.

Такой вот расклад в новодемократические времена. Как говорится, Гайдар-внук не всех выдаст, свинья не съест. Про свиней, впрочем, чуть попозже.

 У Прокофьича с Тихоновной все, как у людей в поселке: только-только разменяли восьмой десяток, но оба крепкие, слава богу, без старческих хворей, особенно хозяин с потомственной шахтерской закваской, из тех, кому на роду и в девяносто тянет молодку за мягкое место ущипнуть. Впрочем, бабником особым и в молодые годы не был. Водовку с самогоновкой собственной выделки — чужой не доверял конечно, мимо рта не проносил, но только для веселья и сурьезного разговора. На пару с Тихоновной, моложе его на год, в полном порядке содержали четырехкомнатный дом с приусадебным участком, хозяйственными постройками: сараем с верстаком для мастерства и банной половиной, утепленный хлев, в котором воспитывались одна или две свиньи, куры с петухом, гуси, даже пяток уток — дом рядом с поселковым прудом. Когда снег сходил — все, исключая свиней, на вольном выпасе. Еще пару коз завели в начале двухтысячных — с намеком на возможное появление правнуков: Тихоновна длинными зимними вечерами до одури насмотрелась телевизора, где много говорили о пользе козьего молока. Прокофьич ее поддержал, но по другой причине: давний его друг, с кем вместе срочную служили во флоте на крейсере «Киров», всю жизнь и посейчас работающий главным технологом на городском молокозаводе, рассказывал, что после ликвидации колхозов и совхозов своего молока в области вовсе нет. Вся же, с позволения сказать, молокопродукция творится из китайского или новозеландского сушняка.

Новозеландское — вроде как из настоящего молока, но его завозят редко. А китайское? — Кто знает, из чего его делают. «Поставщики, то есть московские перекупщики,— пояснял флотский дружок под стопку-другую самогоновки, настоянной на яблоневых листьях,— смеются: мол, порошок этот хунвейбины производят на сычуанском химзаводе. Так что, Прокофьич, ты со своей всякие там кефиры и «чудотворожки» нашей фабрики и в рот не берите, а пуще всего внукам не давайте!»

На другой день он дал флотское «добро» супружнице: «Давай-ка, мать, заводи своих коз. Только пухновитых бери, прясть-вязать умеешь, очки сроду не носила; чем пялиться на б... и полудурков в телевизоре, будешь на все семейство носки и рукавицы заготавливать. А то нынешние магазинные, наверное, все китайские из пластмассы — и воняют каким-то гудроном!»

Кода дети окончательно переселились в город, поначалу пустота большого дома настораживала стариков, особенно бывшие комнаты сына и дочери, но Прокофьич мигом смекнул и пустоту заполнил. Самую маленькую комнатку приспособил под зимнюю и осенне-слякотную мастерскую, где занимался любимым столярничаньем — все столы, стулья и полки в доме собственной фабрикации.

В другой опустевшей комнате на барский манер устроил себе «диванную» с искусно выделанными настенными полками, уставленными книгами о морской жизни, что получил издавна в поселковом «когизе» и по нескольку раз перечитывал. Очки стал надевать — но только для книг — лишь с недавних пор.

Большой, настоящий кожаный диван довоенной работы, некогда купленный за три литра самогоновки и домашний вяленый свиной окорок у школьного завхоза «под списание» устаревшей мебели, Прокофьич делил с котом Мичманом. Здесь же Прокофьич курил — от супруги, не любившей табачный дым; не по причине дыхательного нездоровья, но так как выросла в некурящей семье.

Любовной выделки самогонный аппарат, сверкавший никелем и нержавейкой со сложной, профессиональной работы электромеханикой ускоренного приготовления бражки держал на просторной кухне, замаскированным — от дурного сглазу — под тумбу, исполнявшую роль разделочно-засолочного стола. Все коммуникации аппарата — электрический кабель и подводяще-отводящие воду трубы — встроены в стену.

Под полом дома — обширный прохладный подвал для хранения солений-варений, картошки и яблок: от урожая до урожая.

...К козьему молоку Прокофьич так и не привык, потому кроме самогоновки с утра до ночи пил чай. Кстати, что такое диабет — супруги не ведали. Кот Мичман уважал холодную курятину.

◆ Дети для нынешних времен у Прокофьича с Тихоновной получились удачными. Сын Андрей, которому недавно исполнилось сорок четыре года, в самый канун беспредела девяностых окончил — по созвучию с профессией отца-работяги — электромеханический факультет местного политеха, полтора года проработал в военном конструкторском бюро. Но когда там перестали платить зарплату, переориентировался на более доходное ремесло: на паях с бывшим однокурсником, тож соседом по поселковой улице, организовал маленькую артель «Чего изволите, барин?» Слегка окрепнув и отмотавшись от братвы-вымогателей, приятели зарегистрировали артель как ОАО «Мультимонтаж Плюс» со специализацией на установке наружной и фасадной рекламы и торговых вывесок.

На рубеже девяностых и двухтысячных годов, когда все, что было в стране, стабилизировалось, а властями был взят курс на всемерное усиление среднего класса, дела рекламно-монтажного ОАО пошли в гору. Тем более что дорогих и пьющих местных работяг заменили на бесправных трезвенников-таджиков.

Деньги серьезные, в разумных пределах, конечно, пошли. А где деньги — там и устремление выпихнуть компаньона из берлоги. Дважды у дружков-приятелей до рукоприкладства доходило. Уже о беспределе, об автокатастрофе каждый начал подумывать... Но поселковые соседи-отцы забили стрелку с сыновьями в «дивной» Прокофьича. Без баб и со свежевыгнанной самогоновкой. Принесенные детьми виски и текилу старики брезгливо отставили в сторону.

До ночи втолковывали сыновьям: каждый из вас в одиночку не выдюжит, даже если миром разбежитесь. А потом власть — существо себе на уме. Сегодня ваш «средний класс» в почете, а завтра окончательно окрепшей власти ваши дорогостоящие услуги не нужны.

...Долго умудренные жизненным опытом старики разъясняли сыновьям. Даже в угоду им, морщась, пригубили виску с текилой. Правда, поперхнувшись и запив самогоновкой.

То ли дети удачные — в отцов пошли, то ли вспомнив курс политэкономии, что оба изучали в политехе, но проняло их. Раскаялись, все, конечно, свалив не алчных жен, выпили на мировую и дали с целованием новомодных нательных крестов страшную клятву.

Прокофьич ушел проводить соседа, а сыновья-компаньоны грохнули еще по стакану, улеглись спать по-братски на просторном диване. В комнату вошла сонная уже Тихоновна, укрыла их шерстяным пледом, выключила свет. На том конфликт и закончился.

Дочь Вера, моложе брата на пять лет, особым умом не блистала, потому на исходе советской власти пошла в тот же политех на самый ущербный в то время факультет — экономико-промышленный. Но в новое время счетоводы с «вышкой» мигом вошли в цену. Так что уже десять лет Вера трудилась главбухом в устойчивой частной аптечной сети «Килограмм здоровья», что умеренно балуется просрочкой из Европы и китайским самопалом.

Оба, Андрей и Вера, соответственно, женат и замужем, давно живут в городе. На две их семьи — трое внуков: две девочки и мальчик. Андреев сын уже на юриста учится все в том же политехе, переименованном в классический университет, а Верины девочки еще школьницы. На все лето и зимние каникулы девочки, а раньше и сын Андрея, передаются для сохранения и допвоспитания Тихоновне с Прокофьичем.

Андрей, как-то еще в девяностые попав в легкую аварию на взлете на аэродромном поле, теперь ни ногой в сторону аэропланов, потому отдыхать ездит сам-один с рыбалкой на Волгу в один и тот же частный пансион семейного типа. То есть с постоянной приятельницей, хотя и супругу свою уважает, и только «чугункой».

Вера же, но только с мужем, ибо фигурой не очень вышла, уже облетала в отпускное время все курорты Европы и Северной Африки. И в Паттайях была.

По бабскому недомыслию порой даже сожалеет, что родители не хворают: ведь аптека в «своих руках»,— ей-то просрочку или китайчину не подсунут. И по оптовой цене, конечно, отпустят с централизованного склада городской сети.

Бабы, бабы... очень вы жалостливы, где надо и не надо.

◆ Так бы деду с бабкой жить-поживать, а детям из добра наживать в эпоху стабилизации! «Вот оно, тихое мелкобуржуазное довольство»,— порой ворчит политически подкованный Прокофьич.— Это когда в канун очередных выборов или по случаю очередного же Нового года в теленовостях касаются болезненной для него морской темы; очень Прокофьич переживает неполадки с флотом, особенно с родным Краснознаменным Северным.

Например, когда уже двадцатый год подряд все обещают и обещают спустить со стапелей Северодвинска одну и ту же атомно-ракетную подлодку. Из газет же, называющих себя независимыми, читающий их в охотку Прокофьич доподлинно знает: пока на Севмаш-предприятии уже два десятка лет достраивают одну единственную лодку, заложенную еще в советское время, американцы ввели в строй тридцать штук новейших проектов! А родной Северный флот за эти годы сократили в четыре раза...

Да-а, конечно, временно-постоянные трудности в экономике страны, сам с собой соглашается уныло Прокофьич, и не поймешь, серьезно или с усмешкой, добавляет вслух — для насторожившегося Мичмана: «Да и абрамовские с березовичами тоже люди, приварок и им нужен!»

И совсем уж заплевался, когда в посленовогодних новостях сверхсчастливая дикторша в полном восторге сообщает о крупнейшем достижении отечественного судостроения: спущен на воду современный ледокол! Правда, все как-то не складывается: оказывается (здесь дикторша скороговоркой), судно построено на финской верфи, хотя теледама что-то лепечет о Выборге, где комплектующие для ледокола выделаны. Но дело даже не в нестыковке. Сплюнул же к неудовольствию чистоплотной Тихоновны по той причине, что рассмотрел на экране: вовсе это никакой это не ледокол, а обычный ледокольный буксир, что должен тащить за собой баржи и тому по-

добное на шельфе, то есть идти по воде, где плавают отколовшиеся от замерзшего поля отдельные льдины.

Таких буксиров Прокофьич насмотрелся на Севере, а клепали их раньше на верфях Ленинграда десятками... Конечно, для *СССР* гражданские суда тоже строили — и в немалом числе: все верфи Финляндии, Дании, *ГДР* и Польши советские заказы выполняли. И это было разумным, поскольку наши верфи, в Ленинграде и Северодвинске, Николаеве и Комсомольске-на-Амуре, в волжском Сормово, что называется — без минуты простоя строили могучий, океанский флот. Атомные ледоколы впридачу.

...А теперь вот тихое мелкобуржуазное довольство — взамен океанского флота, военной и гражданской авиации, космической станции «Мир». Долго ли оно будет длиться? — Из тех же официально независимых газет вычитал Прокофьич: американцы вот-вот поставят на широкую промышленную ногу производство нефти и газа из горючих сланцев, которых в Штатах завались! Тогда-то мировая цена на нефть упадет в три раза, а в сидящей на углеводородной «игле» России исчезнет возможность содержать за счет населения пресловутый средний класс. И пенсии пострадавшей стороне урежут до сухой корки. С апломбом газеты пишут, трудно не верить дотошным журналюгам.

Слишком долго жил в вечно меняющейся стране Прокофьич, не лишенный наблюдательности и склонный к размышлениям на досуге, чтобы сомневаться в дальновидности верхов, в их умении загодя все предвидеть и все предусматривать. Вот как по расписанному сценарию все делалось в горбачевщину и в девяностые годы. Не зря все министерств да и учреждения Москвы тогда были переполнены американскими советниками, сменявшими друг друга по графику. Сейчас свои появились, обучившись в гарвардах и оксфордах буржуйским хитростям.

А ведь все уже началось? — На оперение сланцевого дефолта. Хотя и не уважал Прокофьич чужеземных слов. И как все мигом-то? И словно дуплетом сразу по двум зайцам: по среднеклассцам и тягловому народу. Вот и Андрей с Верой, будучи в гостях, выглядели порой задумчивыми, а главное, в прессе и в телевизоре как-то дружно замолчали насчет среднего класса, перестали привычные песни петь: дескать, предприниматель — России спасатель!

Одновременно освеженная недавними выборами Дума один за другим проголосовала на табачно-алкогольные законы, предрешив скорое самозакрытие сотен ларьков и магазинчиков в России: без водки, сигарет и пива кому эти «сникерсные» нужны! Но, как понимал Прокофьич, ликвидация мелочной торговли — только начало. До аптек пока не добрались, а вот Андрюха уже в легкой панике: в Москве хана наружной рекламе, теперь и у нас в городе всякие ограничения вводятся. «Глядишь, отец, скоро с Веркой снова начнем к вам за картохой и салом ездить»,— невесело шуткует он.

Оно, конечно, народ разбаловался, к порядку возвращать его надо, но разве так быстро и одними запретами? — Та же водка, которая самого Прокофьича не интересует, сигареты, изобилие всевозможных стотысячных и миллионных штрафов-угроз? Да еще по телеящику издеваются над народом. По нескольку раз на день появляется на экране мужик с напряженным выражением лица, сообщает, что с Нового года водка подорожала на треть; дескать, это же не предел? И, по его убеждению, бутылка водяры должна стоить рублей пятьсот-шестьсот.

Все мы это проходили, думает, сидя на диване, Прокофьич, рассеянно поглаживая растарахтевшегося Мичмана, на демонстрации-митинги не ходим, самогоновку свою справляем, живность в сарае и сад-огород помереть с голода не дадут... Надо только в эту весну грядку табака посадить. И пенсион им со старухой пока что пла-

тят. Так что хрен возьмешь в тарелки деньги у дьячка, как говаривал его отец, шахтер и бывший красноармеец-буденовец.

◆ Напрасно Прокофьич про ныне уважаемых властью священнослужителей вспомнил. Сам он верующим отродясь не был и сейчас в эту новую моду, особенно в среде бывших парторгов и намного более крупных деятелей, играть не собирался. Как-то раз в конфуз впал по этой части.

Проходя своей улицей, приметил: соседка за два от него дома подвязывает помидоры, да не обычные, а уже очень кустистые, здоровенные — в пять-шесть долей, багровые...

- Захаровна! Откель таких красавцев отхватила-то?
- А еще в прошлом годе дочка из города семена привезла, сорт называется «Русский...», как его? А-а, «Русский премиум». Сразу эти басурманские слова и не выговоришь. Че, тоже такие хочется завести?
- Да желательно, а то у меня против этого «премиура» вдвое меньше. Где там, в городе продают?
- Дочка говорила, что в двух шагах от площади Восстания. Доедешь на нашем рейсовом до автовокзала, а там пересядешь на любой троллейбус, что вниз по проспекту идет и выйдешь на остановке, народ подскажет, где выходить.

Прокофьич поблагодарил, приложив два пальца к козырьку кепки, и повернул к своему дому. Захаровна же вслед:

— Прокофьич! Только ты в троллейбусе не про Восстанию спрашивай — не поймут; теперича ее в Крестовоздвиженскую переименовали!

На следующей неделе Прокофьич собрался в город: Вера просила купить у поселкового пчеловода Ерофеева трехлитровую банку меда — на зиму для девочек — и привезти. «Самой, как сейчас недосуг приехать, срочно бухгалтерскую отчетность шеф затребовал, домой в восемь-девять прихожу. И еще неделя работы впереди».

Дочь жила на другом конце города, так что сначала решил он за «премиумом» заехать.

Зная, как и все в городе и пригородах — кроме полиции, бывшей милиции, — что в троллейбусах, идущих от автовокзала вниз по проспекту, первые три-четыре остановки орудуют сменяющие друг друга шайки карманников, Прокофьич все эти опасные остановки-пролеты зорко осматривался. Настолько брил вокруг себя, что когда троллейбус добежал под горку до конца проспекта, он забыл новое название площади. Что-то религиозное в голове вертелось и довертелось:

— Скажите, гражданка,— обратился он к почтенной, седоватой, но хорошо ухоженной женщине,— где мне выйти на площадь... этих, как их? — христопродавцев?

Что здесь началось? Как его только не позорили и не обзывали! Один солидный мужик в галстуке, наверное, бывший парторг, требовал за издевательство над святой церковью «передать старого хулигана в руки правоохранительных органов». Весь красный, запотевший Прокофьич, слыша вослед проклятия, выскочил из троллейбуса.

Семена «премиума» он все же купил и, избегая троллейбусов, на автолайне поехал к дочери, точнее к зятю, который, заранее предупрежденный по телефону, прибыл из своего офиса, как он с легкой гордостью говорил, встретить тестя.

Выпив для встречи по паре стопок казенной, то есть теперь частной, Прокофьич с зятем с часок поговорили, пообедали. Зять хохотал над злоключением тестя, но порой опасливо косился на свой крест в вороте по-домашнему расстегнутой рубашки: недавно, следуя уговорам супруги и установившемуся порядку, окрестился.

- Чего это ты, отец, ха-ха, про христопродавцев-то прикол отмочил?
- Да понимаешь, Вить, новое название забыл, следя за шпаной, никак не могу

вспомнить. Стал по логике, как сейчас говорят, рассуждать. Смотришь телевизор от нечего делать, а там все над советской властью изгаляются. Все прежнее переименовывают. Вот и думаю: новое название что-то церковное, а площадь раньше называлась в память восставших, то есть революционеров и безбожников. Вот и съязвили переименователи: никакие они не восставшие, а христопродавцы! Вот и спросил, опозорил себя на старости лет.

- М-мда. Оно по логике так и получается. Возьми вот деньги за мед вдвойне. Верка просила еще свежака банку купить. Я на днях заеду, заберу, чтобы тебя не гонять. А то ты в следующий раз и проспект именем адмирала Колчака назовешь, хаха! Впрочем, нет, за Колчака-то не обидятся. Даже бывшие парторги, как ты говоришь, похвалят тебя за политическую дальновидность.
- ◆ Дал после того случая себе зарок: про церковь и все церковное ничего не говорить и даже в мыслях не поминать. И не ворчать, когда Тихоновна перед Рождеством, Пасхой и Троицей, начепурив белый платок, направляется в свежеотстроенную поселковую церковку.

Но вот все-таки вспомнил, да еще в столь грубой народной присказке.

Понимал Прокофьич как стихийный материалист, не кончавший институтов и университетов марксизма-ленинизма, что не мог господь бог из-за хулительных на священнослужителей слов Прокофьича обидеться на весь русский православный мир, но так сошлось, что именно после дурацкой присказки началось твориться что-то непонятное.

Допустим, все эти игры с водкой и табаком совсем недавно уже проходили. Понятно для чего: отвлечь народ от реальных трудностей жизни и малопривлекательных перспектив. И средний класс пора пришла поуменьшить. Слишком расплодились «спасатели России». На простых работах трудиться некому: всех таджиков в страну не переселишь, а китайцев опасно много впускать. Мигом все города в чайнатауны превратят.

Новое — только миллионные штрафы для острастки слишком буйных голов да и вообще для всего народа. Мера вынужденная, хотя и слишком крутая. Как говорится, иногда и показательную глупость можно использовать. Еще первый генерал ордена иезуитов Игнатий Лойола сказал: «Цель оправдывает средства».

Но цель-то Прокофьичу неведома. И в телевизор хоть все глаза прогляди, но и там о ней ничего не говорят.

До поры до времени Прокофьич не замечал никаких резких перемен в окружающей жизни: в городе почти не бывал, а в поселке мало что изменилось с советских времен, то есть люди все те же, отношения между ними тож. Прокорм же с собственного натурального хозяйства и получение пенсии от почтальонши-соседки и вовсе защитили его с Тихоновной от общения с разными чиновными людьми и молодыми поколениями «от пепси». Сын, дочь и внуки воспринимались им как личные дети, временно-постоянно проживающие в чуждом ему мире.

И телевизор он смотрел в полглаза, совершенно не вникая в суть происходящего на экране — если, конечно, это не были старые советские фильмы.

Мобильник в доме, конечно, имелся — для связи со «своими» городскими. Квитанции налоговые, за счет и газ Тихоновна оплачивала на местной почте, совмещенной со сберкассой. Там уже установили аппараты для оплаты, но Тихоновна брезговала или не доверяла им, предпочитая с четверть-половину часа постоять в очереди к окошку, заодно обсудив с товарками все местные новости и сплетни.

К регулярному увеличению в последние годы цифр в квитанциях на газ и свет Прокофьич относился спокойно: против лома нет приема! И не такого за длинную жизнь повидал: от сталинского ежегодного снижения цен до гайдаровского бардака в

девяностых. И вообще полагал, что все люди так и остались нормальными. Но всего лишь исполняют свои обязанности в нелегкое время.

Сомневаться в этом он начал, только когда вынул из своего почтового ящика квитанцию за газ, а при ней некий листок с пояснениями * , где предлагалось оплачивать газ, якобы затрачиваемый на содержание домашнего скота. Птицы тож.

◆ Поначалу Прокофьич решил: это очередные шутки освоивших компьютерную грамотность поселковых хулиганов, но Тихоновна, сходившая на почту оплатить полученную газовую квитанцию, принесла достоверную весть: такие же листовки получили все поселковые. Кой-кто из товарок по почтовой очереди, обеспокоившись, звонил родичам в город — и там все про газообложение поросят и курей были извещены. Лошадей и коров в многоквартирных домах тоже.

Чуток подумав, Прокофьич махнул рукой: мол, с жиру коммуникальщики с газовиками бесятся. Авось перебесятся и забудут к осеннему единому выборному дню. Главное, что ему запомнилось из листовки: обогрев свиньи вдвое дороже коровьего и в четыре раза — лошадиного!

За свой скот и птицу он не волновался: газ поступал только в дом, а сарай он похозяйски изначально строил утепленным, с двойными стенами, засыпанными нажигой, держащей нужный градус в сарае при любых морозах. А чердак плотно забит запасенным с лета сеном — оно же корм для коз. Даже пойло для свиней и теплая вода для питья скота и птиц зимой готовилась Тихоновной в сарае: в углу сарая установил буржуйку с запасом угля, натасканным из старых шахтных отвалов. Там его набирали все жители поселка для своих сараев и бань. И почти все имели буржуйки для приготовления пойла.

На том он и забыл о газовой листовке.

Но коммунхозовцы и газовики и не думали забывать. Даже в преддверии единого выборного дня. Как раз за пару недель до него по улицам поселка с частными домами прошлась городская комиссия: пара мужиков в галстуках под плащами — без шарфов, моложавые и в одинаковых чиновных усах, и тоже молодая бабенка с амбарной книгой для записей. Сопровождал их по службе один из двух поселковых участковых — Колька Шустов.

Представились Прокофьичу от лица отдела городской, то бишь районной, куда приписан поселок, администрации. Отдел назывался мудрено, так что он точного названия не запомнил. Старший по должности усатый зачитал содержание давешней листовки с приказом № 67 от такого-то октября прошлого года и двинулся к сараю, где бабенка пересчитала по головам скот и птицу, все записала в амбарную книгу. Не отвечая на озабоченные вопросы хозяев, вся четверка, не прощаясь, пошла к следующему дому, оставив Прокофьича с Тихоновной в недоумении.

Все еще успокаивая себя и супругу, Прокофьич выразился в том смысле, что это районная администрация к выборам готовиться и скотину пересчитывает для радостной отчетности перед избирателями о росте благосостояния бывших трудящихся, а ныне пенсионеров и торгашей.

...Совок он и есть совок; все ему мерещится общественное мнение, заискивание перед выборами и прочая чушь давно минувших времен. Когда в следующий табель-

52

^{*} Вот это как раз не выдумка автора или досужие размышления Прокофьича. По поздней осени жители нашего города вместе с газовыми квитанциями получили информлисток с приказом министерства строительства и ЖКХ № 67 от 29 октября 2012 г. Утверждены нормативы потребления (то есть и оплаты) газа для граждан, проживающих в многоквартирных домах и жилых домах на территории области, при отсутствии приборов учета. В пункте 5 для приготовления корма и подогрева воды для питья и санитарных целей для домашнего скота (это в многоквартирных домах-то?!) нормативы в кубометрах газа на одно животное в месяц обозначены следующими: лошадь — 5,2; корова — 11,4; свинья — 21,8; коза и овца — 1,1; птица — от 0,2 до 0,4: для кур и уток с гусями, соответственно.

ный день почтальонша разнесла по частным домам газовые квитки с перечислением пунктов оплаты за свиней, коз, овец, птицы, а оседлому цыгану Урупкину и за лошадь, то весь законопослушный поселок забурлил, ибо никто сараи газом не отапливал, а пойло готовили на сарайных буржуйках.

◆ Дело дошло даже до стихийного митинга; как сейчас говорят, не санкционированного властями. Еще спозаранку в день митинга оба участковых, то есть собственно Колька Шустов и его помощник, дабы не вступать в конфликт с поселковыми, где оба родились и выросли до полицейских чинов, сославшись на совещание в райотделе, уехали в соседний подгородний поселок пить водку на именинах общего — по милицейской еще школе — приятеля.

На митинге приняли резолюцию протеста против поборов газовиков и выборщиков-ходоков в районную администрацию. Голос народа не всегда голос божий, вопреки известной латинской пословице*. Главное, на митинг, в основном, прибежали бабы и запьянцовские мужичонки. Прокофьич и некоторые другие поселковые светлые головы не пошли, понимая, что такие дела на толковище не решаются.

Словом, выборщиков на другой день отправили за народный копеечный счет в районную управу с требованием, в котором было упомянуто о печках в скотных сараях. Поэтому не успели выборщики, не солоно хлебавши, вернуться домой, как на поселок налетела кампания пожарных чинов во главе с полуполковником, только что откупившимся от судейских за обвинение в крупной взятке от армянских купцов, соорудивших в городе очередной супермаркет. Потому беспредельно злым от тягостных переживаний во время следствия и потерянных денег, причем двойных: взятки от купцов и отданных судейским.

Мигом, по-стахановски, пожарные выписали штрафы на всех владельцев сараев с печками и предписания участковым — проследить за уничтожением буржуек и таганков в течение трех суток.

Кары избежал, но и то с трудом, Прокофьич и еще с пяток хозяев, у которых, как людей мастеровых и нехалявных, все было сделано по самым придирчивым пожарным правилам: сам сарай — шлакоблочный, межстенная засыпка — нажигой, труба выведена через стенку, а снаружи и внутри в месте ее вывода прилажены квадраты 50×50 асбеста. Пол под печкой и на полметра от нее во все стороны выстлан толстым, едва не бронебойным стальным листом. Его Прокофьич в свое время отыскал на развалинах заготцеха; был он засыпан мусором, потому и не попался на глаза металлоломщмкам...

Подполковник с багровой от утренней коньячной дозы рожей, поболее чем у мирно хрюкавшего рядом в закутке кабана, самолично с полчаса вертелся у печки, даже с усилием нагибаясь через живот девятимесячной беременной тройней бабы, наизусть цитировал грозные куплеты пожарных законов, но Прокофьич, тоже их знавший еще с шахтерской работы, ладно отвечал, указывая на печку и ее окрестности в нужных местах. Утомившись, главнопожарник, погрозив неуступчивому хозяину сарделечным пальцем, вышел из сарая, бормоча: «Грамотный очень, прощелыга; смотри, доиграешься у меня!»

После неудачной петиции выборщиков и сломанных печек половина хозяев поселка ликвидировала крупную скотину, оставив только для видимости живности во воре петухов при трех-четырех курах. Оседлый цыган Урупкин неделю пил горькую, осыпая весь подлунный мир национальной бранью: «Сота кекемел!» Но тут же переходя на великорусский мат. Проспавшись, надел на шею своего коня, что положено надевать, и увел его ранним утром в сторону дальнего поселка пригородных, тоже оседлых цыган — табор местного барона Филимона. Там он и продал своего верного

^{*} $Vox\ populi$ — $vox\ dei\ ($ лат.). — Голос народа — голос бога. — Прим. авт.

Росинанта. Благо здешние оседлые снабжали наркотой весь город и половину области, потому проживали в трехэтажных виллах, а в сам поселок никакая власть для учета домашнего скота не совалась. Тем более что Филимон недавно побывал на исторической родине — Иберии на всемирном съезде цыган, где был избран в постоянный руководящий орган для признания цыганского народа *ООН*. То есть стал государственным деятелем международного ранга.

- ◆ Сын Андрей, бывая у родителей, все посмеивался над отцом после пары стопок самогоновки на яблоневых листья:
- Вот, отец, докуку на пенсионе нашел? Власть нынче конкретная пошла, с братковским закалом девяностых. Так что не мытьем, так катаньем возьмет свое.
- Какое-такое свое? Что им, мой кабанчик и козы с птицами жить мешают на повышенной зарплате?
- А черт их знает, что они хотят. Вот и к нам, «спасителям России», начинает приматываться. Может установка такая сверху, а скорее собственная дура, видимость работы. Со свиньями же своими еще навоюешься, с чинодралами. Вон в магазинах этих самых окороков полно. Пенсии на них не хватает так мы с Веркой всегда готовы подкинуть. Я-то хоть сейчас, а Верка, как всякая баба, сначала плешь тебе выедет и даст со слезами на глазах... Хотя, конечно, твой вяленый в сенцах окорок не чета магазинным.

Прокофьич задумался, а поскольку Андрей приехал под воскресенье на машине и уже хлопнул «отцовской», то есть собирался с ночевкой до завтра остаться, то, попросив сына поскучать четверть часа, оделся и вышел из дома.

В продмаге наискосок улице спросил хозяйку:

- Лен! Какой у тебя напиток, что молодежь на опохмелку пьет, самый химический в смысле ядрености?
- Ты что, Прокофьич, решил Тихоновне рога наставить, молодку завел и под молодого косишь, ха-ха! Ладно, бери «коку колу» ей и желудок с непривычки можно прожечь. Двух- или трехлитровую?
- Да не-е, это для опытов. Химией стал увлекаться, раз на девок не стоит. Дай самую маленькую. И граммов двести вот этого окорока отчебучь.
  - Тоже для опыта, а?
  - Да. На, без сдачи. Здесь еще на буханку белого.

Совсем Андрей заинтересовался, когда возвратившийся отец молча взял с полки две фарфоровые плошки, наполнил обе на две трети «кока-колой» местного, городского завода. Затем в одну опустил принесенный из магазина плоский кусочек окорока, а в другую — отрезал от своего, домашнего, которым они с сыном только что закусывали. После чего поставил обе посудины вновь на полку, велел сыну разливать. Дескать, завтра все сам увидишь.

Наутро, когда Андрей насухо — за руль ведь садиться — завтракал яишенкой с салом, все из домашнего продукта, Прокофьич осторожно снял с полки две давешние плошки и поставил их перед сыном:

— Смотри сюда!

Андрей сначала взглянул на плошку с куском домашнего окорока, подцепил его вилкой, брезгливо стряхнул с него капли химнапитка и положил в свою тарелку с яичницей. Мол, не пропадать же продукту высшего качества. Вот в магазинах высшего класса такой деревенский окорок по тыщу двести рублей за килограмм продается!

^{*} Напомним из истории (Лев Гумилев и др.): нынешний цыганский народ — потомки тех плясунов, певцов и златокузнецов, что в большом числе жили при дворах магарадж. Во время великого голода XV века великие моголы — правители Иберии изгнали всех из страны в мировое рассеяние.— Прим. авт. 54

Нагнувшись же над посудиной с покупным, Андрей поперхнулся непрожеванной яишенкой:

- Отец! Что это за гадость ты забухтил?
- А это то, из чего на фабриках пищевой химии так называемые окорока для супермаркетов варганят.
- ...В ядовито побуревшей жидкости плавали какие-то бледные паутинистые волокна под слоем сизого комбижира.
  - Да-а, отец, видно имеет смысл до конца за своих свиней биться!
- ◆ И бился Прокофьич, все более и более втягиваясь в увлекательную игру-войну с районной управой, что угнездилась в нижней части города в типовом здании бывшего совмещенного райкома-райисполкома. Не без пользы для общего развития играл-воевал. Это в полусельском пригороде еще сильна была отрыжка прежнего устроения, а сама жизнь изменялась уже двадцать лет ровно и постепенно, то есть малозаметно. С этой постепенностью Прокофьич и прозевал самое главное: человек за эти годы стал совершенно другим с форштевня до кормовой банки, как говорят флотские. Тож и Прокофьич, бывший старшина второй статьи на крейсере «Киров», Краснознаменный Северный флот.

...Другое дело — город, особенно, если раньше Прокофьич ездил туда раз в месяц-два и ограничивался хозяйственно-строительными магазинами: рубанок новый прикупить, фунт-другой гвоздей и тому подобную хурду-бурду. Если поблизости случался книжный магазин, то прикупал в нем что-нибудь по флотской тематике. Впрочем, год назад в городе закрылся (бизнес!) последний «когиз», так что интерес Прокофьича теперь ограничивался исключительно хозмагами.

Теперь же, толкаясь в чиновных кабинетах, он хорошо рассмотрел этого нового человека. Так сказать, гегемона наших дней. Внешне тот походил на человека обычного, прежнего: голова, две руки, две ноги, тулово. Совершенно иным стало содержание головы, а значит и связанные с мозгом обоих полушарий слова и слух.

Новый человек вроде как слушает собеседника, даже вертит головой в знак согласия или отрицания, но что именно слушает? — Как стал понимать Прокофьич, слушает только отдельные слова. Как в кроссворде. В какой-то умной передаче по телеканалу «Культура» он внимательно прослушал пояснения и вовсе умного профессора: современный человек — не творец и созидатель, а высококвалифицированный потребитель, преимущественно китайского ширпотреба. Потому ему нужны только кроссвордные слова-одиночки; он просто уже не способен понимать и воспринимать связную речь. «Функциональная безграмотность», — торжествующе, явно от большого ума, подытожил профессор.

Именно поэтому, как понял Прокофьич, новому человеку бессмысленно что-то связно объяснять — у того слуховой нерв блокируется в мозге. Для успеха же дела требуется подобрать нужные слова-одиночки. Лучше в простом именительном падеже.— Прокофьич вспомнил далекие школьные уроки. Желательно, чтобы эти знаковые слова укладывались в должностные инструкции, входящие-исходящие циркуляры и законоуложения.

Соответственно и слова, вытекающие изо рта нового человека, слегка связанные служебными предлогами и междометиями, укладываются в те же незамысловатые рамки. То есть разговор слепого с глухим. Теперь уже резюмировал не умный профессор из «Культуры», а много повидавший в вечно переменчивой жизни Прокофьич: вроде человек, но и не человек; как будто слышит-видит, но может, и наоборот; мозги имеет в черепной коробке, но для чего они ему папой-мамой, школой и платной «вышкой» даны?

И уже сам, без щеголеватого профессора, сообразил-таки: современный человек

есть живой робот, чтобы создать которого даже не потребовалась японская техника. Китайская для тиражирования — тем более.

Его Андрей и Верка по возрасту тоже как бы относятся к новым... но нет, они выросли в поселке, где традиционно было два пути: в тюрьму или в институт. Без этих самых «компов» выросли, не на кроссвордах учились, а в школе, где половина учителей еще послевоенных образований. Да и нынешние их профессии, несмотря на всякие дурацкие названия ООО, ОАО... мало чем по сути отличаются от советских: бригадир-счетовод. Вот и все их нынешние пышные пустышки-титулы: гендиректор и главбух. Назови хоть горшком, только в печь не ставь.

◆ Отбоярившись от пожарной инспекции и — с большим трудом и тратой времени в управе и газовой конторе — от платы за живность по приказу № 67, Прокофьич не долго предавался сладострастным размышлениям о новом человеке. Перед бывшим Октябрьским праздником почтальонша, жалуясь всем встречным на ломоту в пояснице и низкую зарплату от почты России, разнесла по поселку очередные газовые квитанции с приложением листовки, содержащей текст доработанного приказа. Теперь сноровистые в делах инструкций и циркуляров новые люди предлагали владельцам сараев с живностью со следующего месяца платить газовикам не за малодоказуемую варку в домах пойла и питья для парнокопытных и пернатых, а *подушно* за каждую голову в сарае.

При этом доходчиво пояснялось: газовая плата будет взиматься не за конкретный факт подводки от дома к сараю газовой трубы, от которой в последнем пылают воздухосогревающие факелы и кипят чаны с развариваемой на корм картохой, а за *потенциальную возможность* реализации такого факта.

Поняв всю безнадежность добиться правды, в поселке прирезали к празднику бывшего Октября последних свиней. Цыган Урупкин с русско-санскритским матом продал дом и ушел в единственный в области кочующий табор барона Евстигнея.— Они от дружественного оседлого барона Филимона торговали наркотой вразнос.

Теперь один Прокофьич, все памятуя о лохмотьях магазинного окорока в «кокаколе», поднялся в последний и решительный. Две недели, как на работу, ездил на весь трудодень в управу, пока чудом — пятница, уикэнд на носу, мелкие служители бдительность потеряли — не попал на прием к нужному чиновнику. Тот, хотя и имел на своих годовых кольцах — на крепкий дуб смахивал — несколько за полтинник, но уже мыслил, слушал и отверзал рот по-новому.

С полчаса Прокофьич пытался добиться матки-правды, но — бесполезно. Дубинноголовый отвечал строго по инструкциям и циркулярам. Совсем заволновавшись, Прокофьич резко мотнул головой, от чего на побагровевшей шее лопнула и отлетела верхняя пуговица рубашки, открыв треугольник тельняшки — Прокофьич других фасонов маек не признавал.

И... чудо, глаза чиновного на миг засветились чисто человеческим любопытством, прозвучали разумные же слова:

— А... вы во флоте служили?

В течение неполной минуты выяснилось, что оба они служили на Северном флоте на одном и том же крейсере «Киров»: только Прокофьич на свежеспущенном со стапелей Николаева, а чиновник — уже перед продажей его на металлолом под видом консервации.

Приобретший на какое-то время человеческий облик чиновный и подсказал земеле-однополчанину, хотя и нелепый на первый взгляд, но единственно возможный способ сохранить живность и не платить за нее дармоедам-газовикам. Даже от доброты душевной написал на бумажке текст письма, которое он подпишет по выполнению просителем потребных работ на своем участке.

◆ Сразу по выходу из районной управы Прокофьич, предварительно созвонившись по мобиле, отправился к Андрею в его контору, что сам сын с усмешкой именовал «хофисом», занимавшем полуподвал в двухэтажном доме постройки времен «поздней» Екатерины-царицы.

Прочитав «рыбу» чиновничьего письма, Андрей расхохотался:

— Ну-у, батя, в веселый ты час к этому чинуше попал! Тот, видно, на закате рабочей недели уж врезал коньячку и секретутку свою трахнул, вот и над тобой посмеяться решил! Особый сорт ихнего юмора...

Но когда Прокофьич поведал о тельняшке, крейсере «Киров» и, главное, о возрасте чиновника, Андрей посерьезнел:

— Да-а, в хорошие времена вы жили при совке: послужил на одном крейсере, даже с разницей в двадцать лет — и годки-земели на всю жизнь и при любых строяхрежимах. Ладно, субботу-воскресенье вычтем, а в понедельник я тебе пригоню пяток своих таджиков и военно-саперную роторную копалку для кабельных траншейщелей. Есть у меня такая, лет восемь назад подешевле купил на распродаже хозяйства ликвидируемой части. Поехали ко мне, поужинаем, выпьем чуток, а?

Но Прокофьич с благодарностью отказался. Торопился домой — не терпелось засветло побродить по развалинам заготцеха: присмотреться к опавшим со стен и потолков бетонных плит потоньше и посохраннее.

- Грузовик у меня, батя, только в ремонте, совсем развалился. На чем плиты-то повезем?
- Не табань*, Андрюха, у Генки-соседа возьмем за литровку домашней. Все одно он у него без дела стоит.

На том и разошлись.

В понедельник накормленные до отвала Тихоновной таджики по указке хозяина дома сделали известкой отсыпку линии траншеи и оттащили в сторону секцию досчатого забора — для выезда на участок с улицы саперной землекопалки. Вскоре и роторное чудище неспешно подкатило. Андрей, настрого запретив отцу поить гастрабайтеров самогоном в обед и ужин, уехал по своим делам в городской свой «хофис».

Показав роторному шоферу линию отметки («рой на глубину метр-двадцать отсель и досель точно по известке»), Прокофьич уселся в кабину Генкиной машины рядом с хозяином; таджики запрыгнули в кузов.— Тронулись в сторону развалин бывшего заготцеха.

Пока Прокофьич отыскивал в строительном хламе подходящие обломки облицовочных бетонных плит — шириной не более метра-двадцати и толщиной полтора-два дюйма, а таджики с национальной перебранкой грузили их в кузов, саперный шофер прорыл кабельную канаву-щель нужной глубины и шириной ротора в пятнадцать сантиметров. Щель длиной десять метров полукругом окаймила сарай со стороны дома. После чего водила, получив от хозяина в презент пару поллитровок самогоновки и двухкилограммовый кус окорока, распрощался и отбыл на «базу», как он сказал.

Подъехала ведомая Генкой машина. Таджики аккуратно разгрузили ее, сортируя в соответствии с командами Прокофьича — по степени кондиционности — ломаные плиты в три стопы. Вернув секцию забора на свое место, таджики вместе с хозяином и Генкой, отогнавшим машину в свой двор, пошли на кухню к изобильному столу. Самогон Тихоновна подавала только Генке. Прокофьич же отмахнулся: «Не до него, мать!»

После трапезы Генка заснул на хозяйском диване и проспал до темноты — к неудовольствию Мичмана. Таджики же вздремнули полтора часа на матрицах, посте-

-

^{*} В смысле: не придумывай поводов для затяжки дела (флотск. жаргон).— Прим. авт.

ленных хозяйкой на веранде и до ужина пошабашили с работой, впритык искусно уложив в щель плиты и оставив их незасыпанными землей.

К ужину, когда таджики уже пили чай со сладкими пирожками, приехал на своем «ровере», но на этот раз с шофером... Андрей. Отправив гастарбайтеров на машине в город, сын осмотрел фронт работ, ободрил и отправился с отцом основательно ужинать.— С ночевкой в родительском доме.

◆ Еще пару недель, накрыв щель с плитами полиэтиленовой пленкой — от дождей и возможного снегопада — Прокофьич толкался в управе, встраиваясь в очередь для вызова «на объект» актовой комиссии. Наконец, день приезда назначили. С утра Андрей прислал тройку таджиков с лопатами-шахтерками.

...Только в четвертом часу пополудни прибыла комиссия: молодцеватый инженер из землеустроительного подотдела с делопроизводительницей — двадцатилетней девицей, одетой по позднеосенней моде проституток. С очень длинными ногами, прикрытыми сверху меховой курткой до середины бедер.

Инженер прошелся вдоль щели, попрошенной у хозяев палкой простукивая наклоненные в одну сторону плиты на предмет отсутствия в них отверстий и несостыковок, заодно проверяя глубину щели. Не обнаружив таковых, с сожалением махнул рукой таджикам: засыпайте, мол, любезные. Сам же прошел в дом с делопроизводительницей: писать акт приемки.

Гастарбайтеры же, памятуя давешний хлебосольный уровень, скоренько засыпали щель с плитами, заровняли землицу сверху. Комиссионеры вышли из дома, инженер осмотрел свежий след земли и велел Прокофьичу посыпать его известкой и в дальнейшем поддерживать: «Периодически наш сотрудник будет наезжать и указывать место для контрольного откопа плит!»

Вручив хозяину копию акта, сделанную под копирку и скрепленную печатью, инженер сухо отклонил предложение Тихоновны поужинать чем бог послал и, приложив указательный палец к козырьку фуражки в знак прощания, проследовал со своей подчиненной к машине. Наблюдательный Прокофьич краем глаза непроизвольно отметил: лакированный автомобиль двинулся не в сторону города, откуда прибыл, но в противоположную, к лесу, где несколько лет назад депутат облдумы, бывший секретарь комсомола заготцеха Воробчиков отстроил ресторан «Ностальжи» — с номерами для отдыха...

- Дело молодое,— запела, подобрев лицом, Тихоновна, проследив взгляд супруга,— зажиточно теперь народ в городе-то живет...
- Зажиточно, хмуро ответил Прокофьич, отсыпая известкой полуокружье бывшей щели, — от слова «зажились»... на этом свете. Иди-ка чингисхановцев кормить.

На следующее утро он сходил с неизменной фирменной «яблоневой» и куском вяленого окорока к Кольке Шустову и взял у него бумагу о том, что его двор поставлен участковым на особый учет, и не реже раза в месяц он, то есть Колька или его помощник, будет делать проверку на предмет проверки: не появилась ли наружная труба от дома к сараю, внешне похожая на газовую.

Кстати говоря, впоследствии ни участковый, ни управский откапыватель бетонных плит ни разу не появились. Народ малочиновный за дураков не в ответе.

Приложив к письму, отпечатанному по управской «рыбе» загодя Веркой на компьютере, акт о зарытии плит и писульку Кольки Шустова, Прокофьич через пар дней двинул в город, напомнил о себе сослуживцу на «Кирове», получил его подпись... И до самого Нового года, матерясь втихомолку матросским десятиэтажным, метался в треугольнике: районная управа — газовая контора — социальный, то есть условно бесплатный юрист-консультант. Все же охранную грамоту на роскошном банкете с эмблемой-голограммой он получил и перестал платить газовую подушную на свинью, коз и птицу.

До конца весны жили старики спокойно, но перед самой Троицей около пруда поставили будку со сторожем — от районной управы: брать деньги с поселковых за водные процедуры гусей и уток. Пришлось оставить из птиц только кур, вообще опасающихся воды. Особенно Тихоновна горевала по уткам: с их яйцами творится лучшее тесто для куличей и домашней сдобы...

◆ Впрочем, с налогом-сборами за водоплавающую домашнюю птицу у управы, не знающей народной жизни в пригороде, вышел конфуз. Совсем скоро случился Петров день, который исстари в этом губернском городе праздновался широко молодежью ночью. Самый хулиганистый день, то есть ночь, в году. Проходил он под частушкой-девизом, она же речевка: «По деревне мы пройдем и делов наделаем; у кого забор сопрем, кому ребенка сделаем!»

При новых порядках разбойный праздник в самом городе полностью затих: не до того, Федя, не до того; надо «капусту» рубить, бананами торговать.

Но в пригороде он еще держался. И вот в Петрову ночь ребята, дождавшись, пока прудовый сторож уйдет домой почивать, деревенскую будку облили бензином. Сгорела дотла. Понятно, что никто из обозленных налогами на гусей и давешними штрафами за сарайные печурки поселковых даже не подумал позвонить в районную пожарку. Безбудочный же сторож, тоже из поселковых, с неделю с песнями погулял по-бобыльски, а затем перебрался в соседнее село под бочок крепкой бобылки же: вместе жить веселее; опять же щи с пылу-жару.

В управе в это время попался по дури — забыл, что делиться надо — на взятке районный начальник. В возникшей панике и рассылке взаимных доносов про пруд забыли начисто и навсегда. Тем более что следаки обнаружили в документации, что содержание прудового сторожа обходилось городу в двести тысяч ежемесячно. Это при зарплате бывшего сторожа в шесть тысяч...

В то же самое село хлынули из поселка бабы за выводками гусей и уток. И Тихоновна вернулась с лукошком, устланном травкой, с пищащими цыплятами, которых тотчас взяли под опеку дворовые куры, а красно-коричневый (под цвет стягов столичных бритоголовых) петух горделиво заорал, приписав малолетних гусей и уток своей мужской силе...

С водоплавающей птицей статус-кво в поселке полностью восстановилось.

Управа же районная, к своему несчастию, попала по разнарядке в список образцово-показательной порки. Разбирательства длились до осени. Впрочем, как это принято во властных верхах и структурах, все отделались легкими выговорами и копеечными штрафами. Сам взяточник-начальник получил восемь лет каторги условно, но уже через месяц, к годовщине изгнания из Кремля интервентов , то есть смоленских дворян с челядью, донских казаков и подмосковных разбойниковшишей, которых историк Карамзин поименовал на будущее поляками, был амнистирован и был избран председателем совета директоров маленького районного банка ОАО «Народная инициатива». Начальником управы назначили бывшего зама по финансовой деятельности.

Управцы, оправдывая высокое доверие, яростно принялись наверстывать упущенное.

◆ Как и все поселковые, Прокофьич все лето и половину осени блаженствовал: почтальонша, тоже повеселевшая, как некогда ее бабка, тож письмоносица в военные годы, когда выдавался день без «похоронок», приносила в дома только квитанции на газ и электричество — без пугающих листовок-извещений. Участковый Колька Шустов от нечего делать решил вопрос с женитьбой на местной красавице Вале, по по-

^{*} Почитайте роман старинного исторического писателя Загоскина «Юрий Милославский, или русские в 1612 году».— Прим. авт.

селковому прозвищу Кудряшка. Новое поколение подрастающих гусей и уток с утра до ночи покрывали пруд бело-серой мозаикой.

Потревоженная образцовой поркой райуправа снизила в полтора раза душевое потребление газа свиньями — народ снова потянулся в соседнее село за хрюкающими сосунками. Жизнь в поселке налаживалась, как некогда в начале сорок второго после недолгой оккупации.

Одно Прокофьича огорчало: за исчезновением в городе всех книжных магазинов негде стало покупать новые книги военно-морского содержания. Начал было перечитывать старые, но... нет худа без добра. Почтальонша принесла, как сорока на хвосте, весть: за нерентабельностью и аварийностью здания, от которого управа отказалась, ссылаясь на режим строгой экономии, закрывается поселковая библиотека, основанная земством уезда в год вступления на престол царя Александра Александровича*. По этой причине бывшая библиотека распродает за смехотворную цену книги.

...Прокофьич, приструнив огорчившуюся было Тихоновну, ухнул треть своей пенсии, но в два захода на домашней ручной тележке привез две с половиной сотни любовно отобранных томов, в том числе редкостных довоенных и даже дореволюционных изданий. Пришлось пилить-строгать новые полки-стеллажи для диванной комнаты.— К неудовольствию Мичмана: серьезные полосатые домашние коты не уважают перестановок и вообще каких-либо изменений, особенно, в своей комнате.

Теперь, когда ноябрьская слякоть сменилась декабрьской зимой, что по нынешним парниковым временам редкость, Прокофьичу было чем заняться долгими темными вечерами: читал запоем незнаемые раньше морские книги, выходя только в двадцать-ноль-ноль на сорок минут в гостиную, где Тихоновна вязала внукам носки из козьего пуха и увлеченно смотрела народные передачи Малахова и Закошанского. Кстати, родом из их города.

К неудовольствию супруги, увлеченно смотрящей передачу об однополой любви, Прокофьич переключал «ящик» на вечерние новости. Особо его интересовали свежие веяния от законодательной власти.

◆ Как-то все быстро стало меняться в жизни. Сначала Прокофьич обнаружил, что люди совершенно изменились, объявились в совершенно новом качестве: новые люди и все тут! И почти одновременно он сообразил: какие-то странные дела начали твориться в законах и распоряжениях властей всех рангов: от районных до самых что ни на есть высших. Се это случилось буквально за последний год.

Но этот-то год Прокофьич занимался обороной своего сарая с живностью, поэтому мало, в четверть уха прислушивался к телевизору и досужим рассуждениям поселковых знакомых и своих городских детей.

Дела же воистину странные творились. Прислушиваться начал в отдохновенные для всех поселковых «каникулы» подсудной районной управы. А начал он прислушиваться к словам Андрея и Веры, когда они наезжали к родителям. Понятно, что Тихоновна первым делом начинала расспрашивать о внуках. Им в свою очередь Андреев сын-студент и Верины девочки-школьницы рассказывали совершенно странные вещи, связываемые с недавними обновлениями образовательного министерства.

Главное, как понял Прокофьич, и для школьников, и для студентов главным предметом становились физкультура и спорт. Все остальные предметы куда-то отодвигались, урезались или просто отменялись. Стал Прокофьич внимательнее прислушиваться и к теленовостям. И там все про то же: оздоровление нации, борьба с пьянством, курением и произношением матерных слов.

Других вопросов не обсуждалось, как будто если народ стопроцентно перестанет пить, курить и матерно — даже в укромном уголке — выражаться, так сразу все в

^{*} То есть Александра III — март 1881-го года.— Прим. авт.

стране исправится кардинально: со стапелей начнут сходить авианосцы и атомные подводные лодки, восстанут из пепла десятки тысяч заводов и фабрик, все люди из квалифицированных, как сейчас говорят, потребителей мигом превратятся в творцов, как было четверть века тому назад и так далее.

И как-то «сбоку», исподволь по всероссийскому и губернскому радио и телевидению начали подсовывать разные проверочные нелепости: о введении налога на домашних животных, обязательной страховке на «хрущобы» и все в этом же смысле.

— Это каких домашних животных? И котов тоже?

Вопрос был адресован вязавшей младшей внучке носки Тихоновне, но отреагировал громким мявом Мичман, доселе очень интересовавшийся клубком пряденой из козьей шерсти нити.

- Что, салага, думаешь, на тебя покушаются налог ввести? Дескать, жрешь от пуза и наносишь вред продовольственной программе... или как там она сейчас называется? Ну-у, думаю, до этого все же не дойдет. Все же на котовскую еду госказна ни полушки не платит, все из хозяйского кармана, и производители едова и торгаши на свою прибыль работают. Даже на сверхприбыль. Плюс налог тому же государству и взятки чиновному люду. Так что твой общепит, Мичман, и так приносит пользу отечеству и его верным слугам из «среднего» класса!
- ◆ Оставив после вечерних новостей телевизор на попечение супруги, Прокофьич сходил на кухню, налил себе стакан еще не остывшего от позднего ужина чая, вернулся к себе. Прилег на диван: почитать на сон грядущий морской роман. Тотчас явился и Мичман, занявший свое законное место на спинке дивана в ногах хозяина...

Через полчаса Прокофьич задремал и вовсе уснул. Как ни мало он разбирался в тонкостях психологии сновидений, но сон на котовскую тему ожидал, что и случилось.

А снилось, что Прокофьич, ворочаясь в неспокойном — по изменчивой с ночи погоде — сне проспал, что обычно не случалось с ним, до десяти утра, когда поселковая почтарка разносит по частным домам их улицы квитанции об оплате и листовки-приложения к ним. Спросонья Прокофьич не сообразил: отчего это Тихоновна причитает, часто упоминая имя ни в чем не повинного Мичмана.

И только прочитав очередную листовку-приложение, сообразил, в чем дело, в чем суть криков супруги. Предписывалось в срок до конца текущего месяца оформить индивидуальную лицензию на отлов мышей для проживающего по адресу такому-то домашнего кота по имени (кличке) Мичман согласно проведенной некоторое время назад паспортизации несельскохозяйственных домашних животных. И так далее; сообщались номера и даты приказов и распоряжений различных районных административных органов, суммы стоимости ежегодной лицензии в зависимости от породы (при наличии соответствующего документа), возраста, веса — на текущий момент лицензирования и почему-то от окраса: классический полосатый, агути, одноцветный, а также от длины хвоста.

Отдельно от предписания на пяти страницах мельчайшим шрифтом каждый пункт подробно разъяснялся со ссылкой на общегосударственные, региональные и городские указы и постановления.

Первый мыслью Прокофьича было послать всех и всея... но здесь он вспомнил: недавно изданный указ о десятилетнем каторжном сроке (для крупных чиновников и депутатов — условно) за произнесение одного и более нецензурного слова. Потому перешел ко второй мысли: памятуя сарайную историю со свиньей, попробовать найти бюрократическую зацепку и получить охранную грамоту на Мичмана.

Вариантов он насчитал несколько. Кот не выходит из дома — хозяева не выпускают, опасаясь, что того украдут цыгане или разорвут бродячие собаки. Мичман ловит мышей из брезгливости. У него аллергия на мышиную шерсть. Мыши в доме, сарае и вообще на территории участка не водятся, ибо кот, линяя два раза в год, как смесовый потомок сибирской и персидской кошки, что сбрасывают свои шубы в разное время года, устилает своей шерстью весь дом, сарай и шестисоточный участок, чем отпугивает мышей. Еще что-то подсказала Тихоновна, в основном, по части хитростей, до которых бабы большие мастаки.

Но к кому со всем этим идти? — Конечно, в районную управу к своему краснознаменному — по названию флота — однополчанину по крейсеру «Киров». Благо тот в минувшую порку не то что уцелел, но и вырос по должности; правда, всего на одну крохотную ступеньку. Все же возраст явно не тянет «на вырост».

Краснофлотский чиновник Прокофьича узнал, посадил на стул для просителей, внимательно выслушал, даже заинтересовался — от обыденности канцелярской жизни. И охотно включился в игру. А Прокофьич подумал, уже выходя от столоначальника: да, все же люди в возрасте от «полтинника», невзирая на должность (если она небольшая) уже не могут стать новыми людьми.— Слишком велика тяжесть, груз советского прошлого с его человеколюбием, отзывчивостью и даже разумной терпимостью к доброй стопке ГОСТовской водки, душистой четырнадцатикопеечной «приме» Елецкой фабрики и добродушному матерку по поводу...

◆ Чиновник с крейсера «Киров» порекомендовал вариант с аллергией кота к запаху мышей. Для этого Прокофьичу следовало достать две бумаги на бланках, с полуответственными подписями и печатями. Первая из них, желательно от научного или учебного заведения, должна содержать солидное обоснование склонности смешанных сибирско-персидских котов к аллергии на мышей. Вторая же — из серьезной ветеринарной лечебницы — иметь клиническое доказательство наличия у конкретного кота Мичмана аллергии ко всему мышиному.

Прокофьич, понятное дело, к таким сферам никакого отношения не имел, потому собрал в своем доме семейный совет, то есть в воскресенье вызвал сына с дочерью. Благо повод имелся: годовщина, хотя и не круглая, но приближающаяся к ней, их с Тихоновной бракосочетания.

После положенных тостов Прокофьич, как бы в шутку, рассказал о лицензии для Мичмана и возможном выходе из щекотливой ситуации. К его удивлению, оба восприняли все всерьез: они же давно проживали в городе, же ничему не удивлялись, но всюду искали подвох со стороны властей.

Тем более, вызвались помочь: Андреевой «конторе» как раз объединение всех четырех крупных областных ветлечебниц заказали унифицированные рекламные щиты. Вера пообещала поискать в документации своей аптечной сети оптовых заказчиков со стороны — научных и учебных заведений по нужному профилю.

В итоге через пару недель Прокофьич заимел обе официальные бумаги. Еще два с половиной месяца он потратил на хождение по инстанциям, обрастая все новыми бумагами. В конце концов, Андрей презентовал отцу пластиковую папку-скоросшиватель. Поселковые, увидев Прокофьича с ярко-красной бюрократической папкой, торопящегося, как на свадьбу, в восемь утра, решили, что тот назначен районной управой чем-то вроде внештатного смотрящего по их пригороду. И начали его сторониться. Известно, добрый наш народ опасается людей с разными портфелями и сосбенно — с папками подмышкой, с которыми ходят участковые и другие милицейско-полицейские чины.

Для обмена всей папки собранных бумаг на искомое разрешение на содержание кота без оплаты лицензии на отлов мышей — с водяными знаками, аж с четырьмя голограммами по углам хрусткой грамоты — Прокофьич записался на прием к такому важному чиновнику, что тот по рангу своему сидел в областном административном здании, который, с подачи газет и телевидения именовали Белым домом.

Кстати, когда новый диктор областного радио, человек с юмором, в официальном репортаже о визите губернатора в приют для бездомных собак, упомянув Белый дом, схохмил: дескать, не тот, что в городе Вашингтоне, федеральный округ Колумбия,—его тотчас выгнали с работы. Оно и понятно даже полному инвалиду головы с детства: каждая губерния, город, уезд и сельсовет, или как он сейчас называется... должны иметь свой Белый дом. Даже те поселения за городом, где уже издавна действует дом желтый. Одно другому не мешает.

...Когда записывался на прием, делопроизводительница, что принимала от граждан всякие заявления через окошко в двенадцатом подъезде огромного здания обладминистрации, предупредила: «Ваша очередь подойдет где-то через полгода. Так что наведывайтесь».

Прокофьич и наведывался, к счастью, не полгода, а всего-то пять месяцев и полторы недели. Известно, что русский мужик всегда радуется и тому, что недовес в магазине на двадцать граммов меньше обычного...

Получив жалованную грамоту, Прокофьич застеклил ее в самолично выструганную рамку и повесил в своей комнате над диваном в месте, где имел обетованное место Мичман.

...На этом приятном моменте Прокофьич проснулся — от громкого причитания Тихоновны:

— Все дрыхнешь! Чего это тебя разобрало; вроде как вчера на ночь самогоновку не пил? Почтарка уже приходила, смотри, что принесла-то?

Прокофьич, мало что понимая со спутанного, явно по изменяющейся ночной погоде, сна, взял из рук супруги бланочный листок и прочитал: согласно указу такомуто, со следующего месяца вводится налог на домашних, несельскохозяйственных животных, как-то: собак, кошек, черепах, ежей, белок, горностаев, крокодилов... перечисление занимало и всю обратную сторону листа. Мичман, чувствуя за собой какую-то вину, жался в уголке дивана. Прокофьич по привычке взглянул на настенный календарь. Значилась пятница, 13-го числа.

УЖ ТЕМ ТЫ ВИНОВАТ... ИЛИ В ЗМЕИНОМ ГНЕЗДЕ

◆ Когда ввели налог на содержание домашних котов, Прокофьич махнул рукой: баста, больше он бороться со все новыми инициативами власти не станет. Себе дороже обходится. Зато кот Мичман сейчас вроде как полноправный член общества, раз налоги платит. Хотя и не сам, а опосредованно через хозяина, точнее — хозяйку Тихоновну, что (вот ведь женская натура!) уже с гордостью, отстояв в черед поселковых товарок на почте, протягивает в окошко три квитанции и громко произносит: «За газ, электричество и кота Мичмана!»

...Тут другая докука случилась. Неприятности, на сей раз человеческие. У Веркиного мужа, то есть зятя Прокофьича, Витьки имелся старший брат. Витек был из многодетной семьи. Сам он, ровесник Веры, готовился отпраздновать свое сорокалетие и являлся младшим в семье Скородумовых. А вот брат его, Игорь Васильевич,— самый старший, только что встретил шестидесятилетие. Если Витек и промежуточные две сестры и брат ограничились «вышкой» и пошли в новые времена по офисноторговой части, то Игорь Васильевич еще в закатные советские годы стал доктором наук и профессором, причем не институтским, где обычно дорожка от аспиранта до «дока» длиной лет в пятнадцать-двадцать уже накатана, а в научном заведении, знаменитом во всем мире оружейном конструкторском НПО «Меткость», возглавляемом академиком Гусаковым.

Мало кто достигал докторских степеней в «оборонке» Советского Союза, да еще в сорок лет! А Игорь Васильевич стал-таки, да еще и не будучи никаким начальником; работал он ведущим инженером-конструктором, а последние два года в «Меткости» руководил сектором. Это для огромного НИИ-КБ того времени вовсе не начальник, а что-то вроде старшего подчиненного...

Понятно, что на него диковато посматривали начальники по всей восходящей иерархии, не только не имевших ученых степеней, но и в самых радужных снах о таковых не помышлявших. Но времена еще советские, старинные, потому кто имел зависть к молодому доктору наук, тот их до поры-времени прятал в себе.

Наступила веселая поначалу горбачевщина, завершившаяся беспощадной к народу гайдарономикой. Вот здесь-то под маркой демократических «выборных» директоров и сокращения излишнего персонала вновь объявившиеся новые люди — все из старых кадров — начали святое дело мести посредственности людям умным и творческим.

К Игорю Васильевичу давно неравнодушно дышал начальник его отдела Святослав Моисеевич Танкеров, в основном, за одесские анекдоты и полное нежелание включать в планы отдела какую-нибудь новомодную коммерцию, а главное — за диковинную в «оборонке» у подчиненных людей докторскую степень.

Увольняя Игоря Васильевича по сокращению штатов, Святослав Моисеевич ничем не рисковал: всех по иерархии верхних начальников раздражала все та же докторская степень молодого Скородумова. Опять же и фамилией характе́рной как черт попутал... А Гусаков не только имел такую же степень, но с недавних пор стал академиком Академии наук линяющего СССР, два десятка лет носил на пиджаке звезду Героя социалистического труда, являлся одним из четырнадцати Генеральных конструкторов огромной еще страны, единолично, по-сталински, по-хозяйски командовал шеститысячным коллективом, да еще в состав НПО входил аж московский филиал почти такой же численности... Словом, до бога высоко, до начальства далеко. Тем более, по своему невысокому чину Скородумов не имел входа к Гусакову. А тому о скороспелом докторе наук никто не говорил, не напоминал.

Впрочем, уволив остепененного в солидном Московском авиационном институте им. Серго Орджоникидзе подчиненного, Святослав Моисеевич особой радости не испытал. Во-первых, Игорь и сам собирался уходить из «Меткости»: его звала любимая наука, а здесь, как он прекрасно понимал, ему развернуться не дадут. Правда, хотел он это сделать через полгода, но... нет худа без добра: увольнение по сокращению давало трехмесячное выходное пособие, что в самое волчье время начала девяностых годов очень даже многое значило. Это — во-вторых. Наконец, как-то само собой нашлось временное пристанище у давно знакомого, почти друга, хотя тот и был одно время его начальником — впрочем, в небольшом чине. Тогда, еще до «Меткости», работали они тоже в военном Центральном конструкторском бюро агрегатостроения. Туда Игорь пришел молодым специалистом после местного политеха.

◆ Все же сам факт увольнения насторожил Игоря. Отец его, опытный в практический жизни человек, прошедший через две войны, конечно, и Отечественную от звонка до звонка, ненавязчиво настраивал на сложности жизни: «Это тебе, Игореха, знак судьбы. Как в своей басне сказал Крылов: «Уж тем ты виноват, что хочется мне кушать». А попросту говоря: не высовывайся...»

Кому-кому, но в своей сорокалетней жизни Игорь более всего доверял отцу. Не только потому, что тот, появившийся на свет через пару дней после трусливого отречения от престола самого глупого русского царя Николашки Кровавого, прошел все огни, воды и медные трубы, но был человеком начитанным. Не схоластиком и фарисейским книжником, но бравшим от книг всю их философско-житейскую мудрость.

Меж тем отец продолжал: «...Народ наш по натуре добр, но в командиры всех рангов из-за этой доброты непременно вылезает самая сволочь. Потому и создается впечатление, что весь народ сволочь. И вот эта-то начальствующая сволочь, особенно из мелких, тщательно следит: не дай бог, чтобы кто-либо высунулся! Нет, не в том смысле, что на его место покуситься — таких просто в порошок сотрут. Речь идет о вроде бы безобидном «высовывании», навроде твоего. А ты, если разобраться, чем и перед кем провинился? А тем, что бог дал тебе хорошую голову; ты же ее используешь по назначению, а сволочь завистливая целью жизни положила умным казаться, ан нет! Ничего не выходит.

Конечно, «Моцарта и Сальери» Пушкина читал. Вот Пушкин, который в полной мере испытал месть бездарных завистников, и дал в этой пьесе объяснение зависти и ненависти обделенных умом к тем, кто его получил от рождения. И иначе жить не может, не творя этим умом. Даже не задумываясь: а кому это вредит? Получается так, что ему самому, в конечном итоге, и вредит. Так что, сын, свыкнись с этим и конвертируй себя в том смысле, что наказание за всякое «высовывание» будет и дальше поджидать тебя, что называется, за каждым углом или изгибом жизни.

Опять же у тебя семья — на ней все это отражается. Характер твой ровный, но иногда и вспылишь, а это — конфета «Мишка на Севере» для завистника...»

- Так что, отец, советуешь в угол мышкой забиться и не пикнуть чтобы?
- Вот ты и вспылил, а напрасно. Никаких углов и серых мышек. Талант, как учит евангелие, в землю зарывать неразумно, если вовсе не грешно. Используй его на всю полноту. Я же только советую быть бдительным. Не подозрительным, но именно бдительным! Береги себя и дела твоей головы и рук. Хотя и высокопарно сказано, но ведь сказано еще одним древнегреческим философом: человек живет и творит не для себя, не для собственного удовольствия, даже не для своего потомства продолжения рода, а для продолжения всего человечества в лучших его качествах. Что-то в этом смысле сказал.

Тем более ты — только в начале самого расцвета своих сил; тебе отпущено еще столько же лет физического здоровья и умственной работы. Это все немаловажно. Да и что с тобой такого произошло-то? Может, тот же бог, судьба, или кто там всеми нами управляет, подсказал: баста, пора тебе, Игорь Васильевич, переходить на новый виток твоей жизни и деятельности. Застоялся ты на прежнем месте. Тем более, а все к тому идет,— скоро всю эту вашу «оборонку» к чертовой матери прихлопнут. Я не прав?

- Прав, отец, стопроцентно прав. Я ведь и сам собирался уходить.
- Вот видишь? Все к одному складывается. Знай, что эти завистники-начальнички обладают звериным чутьем. Ты и слова неосторожного не произнес, а они уже по выражению твоего лица все поняли. Это накрепко в память занеси. Так что твой Моисеич выходит и помог тебе решиться. А статья по сокращению в трудовой книжке в наше время вовсе необидная и отдел кадров в дальнейшем не будет настораживать. Решил, мол, человек уволиться, а тут ему и предложили: ты молодой, с перспективой, а вот пенсионный Иван Иванович боится потерять место, на котором просидел сорок лет. Так ты по человеколюбию его выручишь и еще выходной тройной оклад получишь, что сейчас нелишне.

Так что, Игореха, плюнь да разотри, забудь навсегда и дальше планируй свою жизнь!

◆ Игорь Васильевич действительно успокоился и уже через неделю работал у своего друга-начальника, организовавшего в это смутное время при одном из областных департаментов информационно-аналитический центр. Пока он входил в курс дела, дабы оправдывать свою должность ведущего конструктора, его приметил рас-

полагавшийся в том же здании директор департамента, также защитивший недавно докторскую диссертацию и вовсе не собиравшийся долго задерживаться на чисто административной работе. И, пользуясь расположением первого демократического губернатора, в постановке которого «в должность» принял активное участие, не мелочился и сходу добился открытия научно-исследовательского института и факультета в бывшем политехе, переименованном в классический университет — оба заведения по ставшему модному в постсоветской России биофизическому профилю. Тон здесь задавала Москва: в последние пятнадцать-двадцать лет по этому направлению человек тридцать стали нобелевскими лауреатами. К сожалению, все с Запада-Востока. Наши, пользуясь дарованием демсвобод, решили догонять семимильными шагами, забыв, что в нобелисты чужаков не берут, а по доброй сложившейся традиции из России лауреатами делают только диссидентов — неважно из какой России: коммунистической или демократической.

Так Игорь Васильевич стал заместителем директора по науке во вновь открытом *НИИ* экспериментальной и прикладной биофизикохимии, где и проработал десять лет до славной кончины института на рубеже столетий и одновременно тысячелетий по понятной причине: лишили всех видов финансирования, а хоздоговорная тематика в современной России никому не нужна. Переиначивая слова знаменитого советского ученого Тимофеева-Ресовского («Зачем тратить время и писать то, что все равно напишут немцы»), Игорь Васильевич любил повторять: «Зачем России своя наука, если он есть в Америке и Европе». Директор молча соглашался, будучи вынужден под давлением сверху институт ликвидировать.

...В очередном повороте научной жизни Игоря Васильевича конкретных завистников не было; имелась всеразрушающая система. Так что он перешел на другой виток спирали без каких-либо обид, но зато с превосходным набором научных же регалий: двойной доктор наук, обладатель двух профессорских аттестатов, Заслуженный деятель науки $P\Phi$, обладатель нескольких иностранных и российских почетных званий, академик почти десятка престижных отечественных, зарубежных и международных академий, автор почти тысячи научных же публикаций, в том числе многих патентов и полусотни монографий. Еще Игорь Васильевич являлся председателем двух диссертационных советов при университете: докторского и кандидатского. И, как говорится, прочая, прочая, прочая...

Его несколько раз приглашали в обе книги рекордов Гиннеса: в английскую, настоящую и российскую, самопальную, издаваемую веселыми ребятами из Одессы. Однако обе требовали денег: английская — поменьше, отечественная — намного больше. Но Игорь Васильевич за все научные отличия денег не платил. Не по жадности, а из принципа.

◆ Поскольку у его давнишнего опекуна «под седлом» оставался только факультет, то Игорь Васильевич, понятное дело, оказался там профессором кафедры теоретической биологии, благо, загодя предчувствуя кончину НИИ, защитил вторую докторскую диссертацию по этой части.

Лекции он читать не любил, вполне справедливо полагая: профессор — не училка, что в том же вузе изо дня в день всю трудовую жизнь талдычит и талдычит один и тот же предмет, затверженный наизусть. Игорь Васильевич здесь следовал столь нелюбимым им американцам и более уважаемым европейцам. У тех и других профессора и преподаватели в университетах строго различались. Последние, еще не достигшие профессорских высот или не стремящиеся ими становиться, являлись теми самыми квалифицированными училками.

Профессора же — не зря это звание так сложно и трудно получить на Западе — являются исключительно мозговой силой университетов. Они же готовят свою смену

и «училок». Игорь Васильевич не без основания себя таковым полагал: собственная научная школа, признанная не только в России, но и за рубежом; сорок монографий по актуальнейшим вопросам современной биологии (не той, где тычинки и пестики...), десять докторов и двадцать кандидатов физико-математических, технических, биологических и даже медицинских наук.

Забугорный профессор тоже мастак по части научных изысканий и подготовке кадров, но в отличие от нашей профессуры он лекциями себя не утруждает. Слишком дорогими оказались бы эти лекции для университетов и студентов, учитывая тамошние оклады содержания ихних профессоров... Для этого есть более скромно оплачиваемые училки — обоих полов. Впрочем, в год две-три обзорно-установочные лекции в огромных актовых залах они читают; в основном, хвалят себя и свою научную школу.

Игорь Васильевич, конечно, понимал: пришел он в высшую школу не в лучшие ее времена: во-первых, никому она, кроме косящих от армии студентов не нужна; вовторых, никому опять же не требуется вузовская наука, впрочем, и любая другая. Наконец, пользуясь всеобщей неразберихой, в одночасье число диссертационных советов в девяностые годы возросло и уравнялось с их общим количеством во всем остальном мире. Потому и образовалась огромная масса скороспелых докторов наук, автоматически становящихся профессорами.

Если во времена учебы Игоря в политехе, твердо входившем в десятку солиднейших вузов страны СССР, там имелось всего двенадцать профессоров, в том числе несколько «холодных», то есть без докторской степени, то теперь при тех же размерах, только без какого-либо зримого престижа, их численность под триста (!) штук.

Как использовать такую орду, мягко говоря, с сомнительными научными данными? — А просто отдать им должности завкафедрами и деканатские; прочих же «опустить» до ранга училок.

...Поэтому для проформы Игорю Васильевичу пришлось взять «часы», за которые ему собственно и платили зарплату — чуть поменьше, чем их домовому дворнику Халебу (Олегу — по-русски) — из узбекских гастарбайтеров. Чтобы самому на своих лекциях не скучать, отбывая поденщину, выбрал он пару предметов общефилософских, как их именовали студиозусы — главное, без экзаменов, с одними только зачетами. Благо еще во время работы в *ЦКБ* агрегатостроения и в «Меткости» окончил Игорь Васильевич заочно еще два вуза, все в советское время, что и позволяло ему формально вести курсы по любым устраивающим его дисциплинам.

При минимуме лекционной докуки начал он разворачивать свой очередной виток диалектической спирали — по Гегелю Георгу Вильгельму Фридриху.

Разумеется, при минимуме усилий Игорь Васильевич смог бы возглавить кафедру, особенно при предыдущем ректоре, благоволившем к нему. Но он, как черт от ладана, отгонял даже саму подобную мысль, хорошо понимая, что в современном вузе завкафедрой — старшая училка и завхоз по совместительству.

◆ К сожалению, начал Игорь Васильевич этот виток с того, что запамятовал слова отца о бдительности, цитату из басни Крылова: «Уж тем ты виноват, что хочется мне кушать». И про Моцарта с Сальери легкомысленно забыл. Все это ему и аукнулось через десять лет. А все ведь от самонадеянности: решил, что тылы ему на этом диковинном факультете надежно прикрыты не только его «гиннесовскими» степенями, званиями и наградами, но и тем, что почти все завкафедрами и деканатские начальники аккордно защитили свои докторские диссертации в совете под председательством Игоря Васильевича.

...Все же если наивным человек родился-воспитался, то таким и останется на всю жизнь, даже будь он семи пядей во лбу. Не обратил Игорь Васильевич внимания, ко-

гда на принятых после защит диссертаций банкетах или на факультетских собранияхпосиделках без всякого умысла добродушно говорил, что-де вот почти все защитились под моим председательством, а то и вовсе под моим руководством, но новоиспеченные члены диссовета и завкафедрами делают вид, что не слышат. Задумчиво начинают смотреть в потолок, переводят общий разговор на иные темы — преимущественно о сложностях их кафедральных дел и их личном вкладе... и так далее.

А надо было обратить внимание; ведь люди уже остепенились-оперились, потому им неприятно напоминание о том, что когда-то Игорь Васильевич поздравлял их с защитой «докторской». И уже кажется им: все было почти что наоборот. Что ж, натура человеческая — штука тонкая. Потому народная мудрость говорит: кажется — креститься надо. Но как раз креститься-то новые доктора наук желания не имели, а из мусульманского сословия, заметно разбавившего факультет, и вовсе не умели...

Нет, не то что Игорь Васильевич не чувствовал, не понимал такой странной реакции, даже про себя усмехался: пройдет, мол, это попервоначалу, пока они и сами до конца не привыкли к своим высоким степеням. Ничто, дескать, человеческое не чуждо... Правда, смущало тогда одно несоответствие: очень уж невысокий научный да и иной уровень докторских диссертаций девяностых годов и, наоборот, слишком стремительное возрастание самомнения остепененных.

Сам он по причине нужного воспитания самомнением не страдал, всегда применяя к себе слова кого-то очень умного: мне не важно, что думают обо мне, главное — что я думаю о себе сам. А насчет своих диссертаций докторских и вовсе был спокоен: первую защитил еще в советское время в престижном московском институте, на которую в «Бюллетене ВАК*», что вообще чрезвычайная редкость, напечатали пространную похвалу, где диссертацию Игоря Васильевича официально поименовали выдающейся.

Вторую хотя и защитил в нынешнее время, но ее столь высоко оценили в научном мире, что даже ее и замолчали... в том же научном мире.

Опять он не то что не сообразил, а значения не придал: такого, вообще говоря, младшие нынешние коллеги не прощают...

◆ Вторым огрехом, не прощаемым ныне более слабым умом коллегами в университете, абсолютно распоясавшегося в своих творчествах Игоря Васильевича стало основание и издание им философско-научного и социально-публицистического журнала «Феномены разума: XXI век». Разрешил издавать журнал еще прежний ректор, которому Игорь Васильевич стал импонировать, правда, в последний, «дембельский» год своего ректорства. Разрешил — то есть дал «добро» на печатание его тиража за счет университета. В университетском же издательстве-типографии. И новый ректор продолжил издание журнала, хорошо понимая, как это работает на реноме университета... Всю же работу по издательской подготовке — от формирования авторского коллектива до изготовления типографского оригинал-макета Игорь Васильевич вел сам, правда, с посильной технической помощью своих внеуниверситетских друзей с научно-изыскательской жилкой. Естественно, на общественных началах.

Эта общественная работа требовала не только затраты умственной энергии главного редактора, но и ощутимых денежных затрат из нищенской зарплаты профессора: покупка дорогостоящей оргтехники и оплата верстки профессионалом.

Поначалу коллеги, узкие, так сказать, специалисты в не менее узких областях, отнеслись к детищу Игоря Васильевича со снисходительной иронией: дескать, с жиру бесится *простой* профессор, тем более что тот покинул посты председателей диссертационных советов. Из докторского он ушел, чтобы самому в нем вторую диссер-

^{*} Высшая аттестационная комиссия: тогда — при Совмине СССР, которая утверждает ученые степени.— Прим. авт.

тацию защитить, а в кандидатском, действовавшем на чужом факультете, его «подсидели», ибо не имел он никакой должности — ни деканской, ни кафедральной. А он и рад был освободиться от двойной докуки: с серьезным лицом председателя поздравлять новоиспеченных докторов и кандидатов, содержание диссертаций которых несколько напоминало ему дипломные и курсовые, соответственно, студенческие работы советских времен.

Но лица этих самых факультетских докторов-профессоров вскоре приобрели явственный цинково-суконный оттенок, когда речь заходила о журнале. Здесь опять Игорь Васильевич «прокололся». Используя свои немалые знакомства в научном мире страны, в ближнем и дальнем Зарубежье, четко выстроенную линию издания, он за неполные два года сделал журнал не то что всероссийским, но фактически международным с госрегистрацией, солидной редколлегией, а имена отечественных и зарубежных авторов — нобелевских лауреатов, лидеров фракций Госдумы, депутатов Европарламента, писателей с «именами» — заставляли факультетских да и вообще всех умеющих читать университетских администраторов и самопальных профессоров, задумываться: а так ли прост этот рядовой профессор с диковинного факультета? Не стоит ли кто за ним? На всякий случай до поры до времени сохраняли настороженный нейтралитет. Как СССР с Японией во Вторую мировую войну. — Тоже до поры до времени.

Совсем уж осатанел главный редактор, когда впервые в постсоветское время добился награждения журнала академическим орденом «Владимир Вернадский» и двумя научными же золотыми медалями.

...Когда раз-два в год в пригородный поселок с Витьком приезжал его знаменитый ученый брат Игорь Васильевич, многомудрый в практической жизни Прокофьич ненавязчиво советовал двойному профессору не хуже, увы, ушедшего из жизни отца:

— Народ сейчас, Игорь свет Васильевич, жестоковыйный пошел, бессердечный, люто всем и вся завидующий и очень мстительный. Жить тебе и работать никто спокойно не даст. Держи это постоянно в голове. Хотя, конечно, это ведь и не жизнь, да? Тем не менее, другой жизни у тебя не будет. Как и у всех нас, само собой разумеется.

И еще, дорогой Игорь Васильевич, все твои дела научные, как я понимаю, не приносят лично тебе ни копейки, а на журнал свой ты тратишь кровные, и без того малые. Людишки же нынешние этого понять просто не в стоянии: сами-то они и копейку в пасхальный день нищему не подадут. А значит, думают они, твои труды и траты — это новомодные инвестиции во что-то им пока неведомое, но явно высокодолларовое, высокоевровое — лично для себя, конечно.

- Да-да, Григорий Прокофьевич, правда ваша. Сам все понимаю, но остановиться не могу: слишком большой разгон взял, жалко останавливаться. Понимаю прекрасно: рано или поздно далеко не красиво все это закончится. Увы, так будет. Жаль.
- ◆ Третье и завершающее прегрешение Игоря Васильевича вовсе ни в какие провинциальные ворота не лезло. Как раз к концу года, предвещенного древними мексиканскими майя как конец света, завершил он главный труд пятилетних исследований, по результатам которых написал и издал в солидном столичном научном издательстве десятитомную монографию «Эволюция мышления в планетарном масштабе». Самое существенное, что это был не повсеместно принятый нынче профессорский самиздат: что-то настрочил, щедро разбавляя материалами учебников, за полгода, утаивая от супруги заначку зарплаты, собирая тысчонок шесть-семь и в самой дешевой типографии «Бланк-Издат» тиснул тиражом пятьдесят экземпляров (поставив в выходных данных 100.200 экз.) тоненькую брошюру, пышно назвав ее монографией... Раздал ее по университетскому начальству, которому и в голову дикой мысли не придет хоть раз раскрыть ее, а кафедра отчиталась в конце календарного года в рей-

тинговом списке: мол, издан актуальный и обстоятельный труд профессора N., впервые в мировой практике обобщивший вопросы партеногенеза дождевых червей... И славненько! Все довольны, а о монографии уважаемого профессора и сам проректор по науке что-то одобрительное произнес на общеуниверситетской конференции.

Нет, Игорь Васильевич, как человек в научном мире «с именем», сумел заинтересовать очень солидное московское издательство, по рангу соответствующее бывшей советской «Науке». Гонораров, правда, оно не платило (а кто их сейчас платит?), но и с серьезных авторов денег не брало. Главное, издательство само распространяет тираж по стране и за рубежом. Это для настоящего ученого самое важное.

В своем университете и вообще в городе Игорь Васильевич насчет десятитомника благоразумно помалкивал. Не потому что стал слишком бдительным, как советовал покойный отец и брательников тесть Прокофьич, а по самой простой причине: современной профессуре-доцентуре никакие философии эволюции мышления не интересны, более того, вызывают органическое отвращение — в силу отсутствия все того же логического мышления; их интересует размер заработной платы, побочные доходы и реализация принципа тусовки: быть не хуже, чем профессор N. или завкафедрой M., то есть иметь машину и хоть раз в год ездить в Паттайю или в Хургады. Даже если климат этих мест им вреден.

И дико было Игорю Васильевичу даже представить, что N. или M., не говоря уже о женщинах-доцентах, а тем более об остепененной администрации, хоть раз для интереса раскроет один из десяти трехсот-четырехсотстраничных томов, заполненный десятками, а то и сотнями теорем и лемм, их доказательствами с привлечением современной абстрактной алгебры, новейших квантовых теорий, астрофизических космогоний и многозначной комплексной логики A.A.3иновьева.

Не для них Игорь Васильевич пять лет подряд мудрствовал без выходных и ранее привычных летних отпусков в не дальнем от города среднерусском курорте, не для них, конечно. Ибо не в коня овес. Но чрезвычайно обрадовало его и скорое появление «коней». В минуты «печатных раздумий» Игорь Васильевич полагал, что мыслящие головы в стране и вовсе перевелись, а оставшиеся «собственные платоны и быстрые разумом невтоны» махнули на заработки в Европу и Америку или на заслуженный отлых в Израиль.

По мере выхода в свет — одно за другим через короткий промежуток времени (стиль работы современных издательств — томов монографии) Игорю Васильевичу начали поступать электронные письма, телефонные звонки на служебный номер и на мобильник от серьезных людей — академиков РАН* из Иркутска и Новосибирска, видных ученых Москвы и Ленинграда-Петербурга, директоров институтов и лауреатов солидных премий из университетских центров России и Украины... Были и письма от знающих русский язык ученых из Германии и США. И... никакой въедливой критики в адрес «провинциального Спинозы»,— только похвальные референции. Иногда с обстоятельным разбором отдельных глав и даже томов.

Под сурдинку Игоря Васильевича приняли в пару общественных академий почетным членом, ввели в редколлегии и редсоветы нескольких научных журналов, присудили — без его заявки на конкурс — престижную научную же премию, правда, не имеющей денежной части. Впрочем, это сейчас дело обычное. Как говорится латиницей: honoris causa**.

...Обо всем этом Игорь Васильевич никому из местных тем более не говорил, ибо

^{*} Российская академия наук — в современной России правопреемница АН СССР, правда, с копеечным финансированием и академическими институтами с численностью научных сотрудников не более «двух взводов».— Прим. авт.

^{**} Для почести (лат.).— Прим. авт.

прекрасно знал: в ответ он увидит либо безмолвную суконно-цинковую физиономию, а если и услышит что, то навроде: «Эк тебя, Васильич, занесло! Ты уж нам, сирым, порадей, когда Нобеля отхватишь». Впридачу, конечно, к язвительной ухмылке. Оттого и молчал.

Но скрывать долго не пришлось — до выхода десятого, завершающего тома монографии, когда в научной прессе появилось сообщение, что за многотомную работу профессор И.В. Скородумов из провинциального университета представлен коллективом видных российских ученых и выдвинут солидным академическим институтом на соискание Нобелевской премии за текущий год.

Провинциальная профессура и особенно вузовская администрация научную прессу категорически не читает, зато со вниманием изучает местную желтую прессу, и особенно — сорокавосьмистраничную «Толоку»: со всеми городскими сплетнями, обнаженкой и непременной страничкой «Секс не по-дедовски».

Вот эта самая «Толока», узнав новость про первого за историю города кандидата в нобелисты, и разнесла лихую молву, присовокупив пару лжеинтервью с Игорем Васильевичем. Он звонил в редакцию, но там с «нобелистом» разговоры не стали разговаривать. Зато все университетские при встрече начали отворачиваться. Пришлось взять месяц отпуска в счет законного летнего двухмесячного.

◆ Нобелистом Игорь Васильевич, разумеется, не стал, ибо никакого политического скандала за ним не имелось. Но эта *honoris causa* предрешила его судьбу в университете. Сам он прекрасно понимал: доигрался. Прощения не вымолит, если даже перед всеми «преподами» факультета на колени встанет и седоватую свою голову, не по чину умную, пеплом посыплет.

Тут-то уже всерьез вспомнил слова отца и Прокофьича о повышенной бдительности. Но откуда ждать напасти? Опыта в постсоветские времена не имел. Начал вспоминать, как подставляли в те еще годы. Классический прием: под видом дружеской встречи-проводов подпоить и умело вывести на «канарейку» — вытрезвительную машину. Попадание в вытрезвитель, даже если ты был трезв, в советские 70—80-е годы, если не сумеешь откупиться, чаще всего означало вердикт для людей интеллектуальных профессий. Работяг ценили; те отделывались воплями жен и тещ из-за годичного переноса очереди на улучшение жилищных условий.

И вообще в «золотые» годы Брежнева, особенно позднего — после четвертой звезды на его пиджаке, главное было соблюдать некий неписаный джентльменский договор. Суть его в следующем. Ты можешь являться полным, клиническим идиотом, абсолютно бесполезным (речь идет об «интеллектуалах»), целый день сидящим, сложив по-пионерски ручки, за пустым столом без единой бумажки... зато абсолютно трезвым. Как бы его ни обхаживал, ни обнюхивал парторг — даже намека на тысячную дозу промилле C_2H_5OH нет. И что же? А то же: к пенсии — положенная по стажу медаль «Ветеран труда» и радостные (слава богу, освободили пустое место!) проводы на заслуженный отдых.

А другой пашет с утра до ночи, весь отдел на нем держится: конструктор от того же бога, все остальные сотрудники только на подхвате, вырисовывают за ним гайки и болты. Начальнику отдела коллеги по должностям завидуют: ну-у, Соломон Абдуррахманыч, повезло тебе с Петровым, самому голову ломать не нужно, знай только следи, чтобы бабы на полчаса после обеда не задерживались и домой раньше времени не сбегали!

Но вот уважает Петров по окончании напряженного трудодня зайти с друзьямиколлегами в простонародную распивочную или — в горбачевщину — постоять за «талонной» водкой в сто двадцать пятый специализированный. Чтобы дообсуждать на склоне светового дня сложные технические вопросы о стыковке боеголовки с корпусом ракеты... Потому по утрам парторг едва не целоваться лезет, радостно фиксируя нужные промилле. Да еще злые незамужние бабы, не имеющие любовников, изустно разносят по всему предприятию молву: опять Петров с похмелья явился на работу!

...Петрова, конечно, как ценного работника, на пенсию не торопят, но и медалями обходят, должностями и связанными с ними окладами. И высшее начальство, словно оправдываясь, говорит: «Всем хорошо Петров, умен, инициативен, самостоятелен в работе, но вот о моральной его стороне доходят до парткома и профкома разные слухи и сигналы...» А Петрова начальник, опасливо оглянувшись округ — нет ли поблизости парторга или востроглазых баб, бормочет вполголоса: «Побольше бы мне в отдел таких... аморальных! Дела совеем в гору бы пошли; глядишь, и мне по итогам пятилетки какой орденок свалился бы».

Игорь Васильевич понимает: сейчас все другое, в чести не труд, а деньги. Ордена тем более никому не нужны. И университет не военное конструкторское бюро, а змеиное гнездо. Вместо боевитых парторгов — доносчик на доносчике, а аргумент один: «Вот студенты говорят...».

Но чудны дела твои, господи: ближе к древнемексиканскому концу света, словно из пепла бывшего советского времени, снова всплыл принцип примата «водка решает все!» Да к нему еще добавились подпринципы приматов: «курение решает все» и «матерщина уже все решила!» Других дел у властей всех уровней не осталось, окромя как «борьба» с отрепьем российского человечества: пьющими, курящими и от души посылающих этих борцов куда подальше.

Сообразил наш экс-нобелист, что ловить и не пущать его будут именно по этим формальным признакам, хотя бы он даже в этой троице прегрешений и не выходил за среднестатистические рамки. Но наивный в жизненных хитросплетниях Игорь Васильевич не учел, вернее, забыл два момента: подлость современных вузовских нравов при отчаянной трусости исполнителей и совсем близкую дату своего очередного перевыбора на пятилетний профессорский срок. Последнее — от того, что предыдущие выборы прошли как-то автоматически. Тогда он еще не являлся экс-нобелистом, а многие завкафедрами факультета еще не стали докторами-профессорами.

◆ Только когда война по принципу «все против экс-нобелиста» разгорелась, Игорь Васильевич узнал систему перевыборов, ранее ему, как человеку относительно новому в вузовской системе, незнакомую. Система эта гениально сочетала в себе показную демократию и безусловное подчинение начальнику. Формально же сначала кандидатуру утверждали голосованием на собрании кафедры, а затем на факультетском вече.

Игорь Васильевич, как человек занятый, никогда не читал объявления на кафедральной доске, а про то, что уже назначена дата очередного собрания, в повестке которого значится и голосование по его перевыборам, ему никто не сказал. Анализируя задним числом, он так и не смог определиться: был здесь умысел или нет. Вообще все далее происходившее явно отдавало каббалой и оккультизмом с идеально выстроенным сценарием.

С позиций современного образа жизни, то есть отменного здоровья в волчьей борьбе за существование и ничем не сдерживаемого частнособственничества, Игорь Васильевич имел один недостаток и тоже одно достоинство, которые, кстати говоря, были хорошо известны его коллегам.

Недостатком здоровья, в общем-то, хорошего для его среднестаршего возраста, он полагал, говоря языком хорошо знакомой ему физиологии, выраженную реактивность вегетативной системы. Это проявлялось в стремительном росте артериального давления при резких изменениях в атмосфере и при всякого рода волнениях из-за неприятностей личного характера.

Достоинством частнособственнического порядка (Игорь Васильевич считал это досадным недостатком...) в общественном мнении полагалось вполне приличная дача в сорока километрах от города с удобным подъездом по московской «железке», только-только любовно выстроенная: деньги на это дело он копил почти десять лет. Очень помог по родственным связям сын Прокофьича, тестя младшего брательника Витька. Андрей, будучи владельцем монтажной артели по установке наружной рекламы, предоставлял именитому профессору автотранспорт, кой-какие стройматериалы по оптовым ценам и своих рабочих-таджиков.

Здесь следует пояснить, что Игорь Васильевич сгомозил дачу вовсе не по «принципу тусовки» (у Васьки есть, а я чем хуже?); более того, к земледельческому труду испытывал полное равнодушие, почти что отвращение. Тем более не приемлел накопительства и собственничества. На даче же планировал он проводить двухмесячные профессорские летние отпуска, сочетая пассивный отдых с активными научными изысками.

Там, полагал он, в отдалении от городского пробензиненного воздуха, а главное — от змеиного факультетского гнезда, за июль-август его реактивную вегетативную систему никто не потревожит, а сама она приобретет на десять трудовых месяцев достаточную закалку и стойкость.

Но — человек полагает, а черт располагает: так можно переиначить более благозвучную пословицу.

◆ Нехороший сон увидел Игорь Васильевич в ночь на тот злосчастный зимний день. Никогда он не был большим поклонником фантастической литературы; насколько мог припомнить, в детстве читал только романы Александра Беляева и Жюля Верна. От американских же космических войн и битв людоящеров его просто подташнивало. А тут привиделось...

Стоит он на краю оврага: за спиной — ровная долина, поросшая ковылем, что с легким шелестом волнами колышется теплым, душистым ветерком. Таким оптимизмом веет от этой мирной картины, что Игорь Васильевич понимает: это его предшествующая, ровная и целеустремленная жизнь. Сразу вспоминаются начальные строки любимой песни* отца: «Среди долины ровныя на главной высоте стоит, растет высокий дуб в могучей красоте...» И над всей ковыльной равниной шепотом, но мощным, что называется «с небес», архангелотрубно звучала мелодия «Среди долины ровныя...».

Но он-то стоял лицом к обрыву и видел под ногами нечто зеленое, мерзкое, топкое с ядовито-клубящимися парами. В разрывах густых клубков пара скакали наряженные чертями и ведьмами узнаваемые Игорем Васильевичем даже с далекого расстояния его коллеги по кафедре и факультету. Некоторые, из тех, кто хорошо относился к нему, пробовали выбиться из общей кучи беснующихся, отстояться в стороне во время шабаша, но их насильно, угрозами расправы заставляли вливаться в массовку. Отдельно приплясывали толстомясые деканатские бабы, высоко поднимая над простоволосыми головами хоругви в форме приказов на отчисление студентов за хроническую неуплату денег за обучение с девизами: «Водка — кровь сатаны, а пиво — его моча!» — «Курение и мат презирает демократ!» — «Ученые нам не нужны, они есть в Америке!» — «Болонский процесс с наукой несовместим!»

…На этом Игорь Васильевич затемно проснулся — тревожно заливался телефон. В трубке голос, искусно имитирующий сочувствие и переживание, сообщил: только что догорела его дача, сожженная бомжами или злоумышленниками. Звонящий представился москвичом-соседом по кооперативу. Давление тотчас подскочило до двухсот. Известный Игорю Васильевичу мобильник сторожа кооператива не отвечал.

^{*} Слова русского поэта XIX века Мерзлякова, музыка народная.— Прим. авт.

Как позже выяснилось, накануне вечером, несмотря на мороз, темноту, снег и зимнюю глухомань, сторож, для проформы выйдя потоптаться на свежем воздухе, заметил на колее проехавшей машины оброненный пакет с рисунком полуобнаженной восточной красавицы: лицо кокетливо прикрыто, все остальное открыто.

В пакете, оброненном неряхой-водителем, видно, из раскрытой двери, когда авто буксовало, оказался к несказанной радости счастливого находчика джентльменский набор: бутылка виски «Black and White» ноль-восемь, полкило буженины, банка рижских шпротов, кольцо краковской колбасы и буханка белого с хрустящей на морозе корочкой.

...Сторож отозвался, опохмелившись, только в середине дня, когда Игоря Васильевича уже везли с работы на вызванной им «Скорой помощи» в больницу с гипертоническим кризом. Уже в терапевтическое отделение ему позвонили и сообщили, что именно сегодня состоялось заседание кафедры, где в повестке стоял вопрос о его переизбрании на должность профессора. Ввиду неявки этот вопрос перенесен на январь следующего, наступающего нового года.

Нового, так нового, прямо накануне которого Игорь Васильевич выписался из больницы и, как у него было заведено, всю первую «каникулярную» декаду января с утра до вечера наслаждался работой сам-один во всем корпусе, не считая дремлющих перед телевизором в своей каптерке сменных вахтеров. «Делал» же он очередной номер своего журнала и параллельно с этим написал пару глав новой монографии по тематике работы своей научной школы.

Но счастье коротко, будни тотчас наступают кромешные, под стать малосолнечным январским дням. Вернулись с «рождественских каникул» набравшиеся сил для дел неправедных коллеги, устроили по всем канонам партсобраний середины 50-х годов кафедральное собрание с представительством деканатских баб. С интересом узнал Игорь Васильевич, что в тот злосчастный декабрьский день он, оказывается, был на работе не с $220/110 \ mm \ Hg$, а в дупель пьяным.

Явно получивший «социальный» заказ, завкафедрой велел сотрудникам, бывшим и нынешним аспирантам Игоря Васильевича, голосовать не за обычные пять лет переизбрания, а за годичный испытательный срок, учитывая «аморальное поведение профессора Скородумова в части алкоголя, табака и нецензурной брани». За что они с ясными очами и проголосовали.

Сего ожидал наш экс-нобелист, но не такого, кем-то срежиссированного втаптывания в грязь своими бывшими докторантами и аспирантами.

На этот раз не только *mm Hg* скакнуло сверх всякой разумной меры, но и ранее не ощущаемое сердце защемило. Снова «Скорая», та же больница... даже палата и кровать по стечению обстоятельств оказались теми же. Пока он повторно — с полумесячным перерывом — проходил курс восстановительной терапии, его в его отсутствии дружно «прокатили» на факультетском собрании.

Администрация университета, до сих пор в глаза называвшая Игоря Васильевича «нашей гордостью», задумчиво промолчала. Через месяц истек предыдущий пятилетний срок профессорства. Более всего он сожалел, что теперь с журналом придется «завязать»; причины этого Игорь Васильевич подробно объяснил в последнем номере, после чего он получил несколько приглашений для участия в многолетних грантах в солидной номинации «ведущего ученого отрасли» и прямые приглашения работы по контракту.

От грантов Игорь Васильевич не отказался, а из контрактных приглашений для обдумывания отобрал два: в США, университет штата Мэриленд и в казахскую Астану — Евразийский университет имени Л. Н. Гумилева. В первом предлагали сорок тысяч долларов, во втором — двадцать. Но в Мэриленд временно-постоянно и лететь

на самолете, чего Игорь Васильевич вполне серьезно теперь опасался. Конечно, взорвать «боинг» бывшие коллеги технически не смогут, но подложить полфунтика героина сумеют.

В Астану же, где все говорят на русском, еще можно проехать по железной дороге (шайтан-арба по местному) и, главное, вахтовым методом: всего два летних месяца в году. На том он и порешил; тем более, в Астане не было его бывших аспирантов и докторантов. И журнал обещали возродить.

...Факультету же «ненужных вещей», как его давно за глаза именовали в университете, повезло меньше. Оказывается, Игорь Васильевич, как и всякое бельмо на глазу, в определенном смысле был цементирующим, объединяющим всех в единой ненависти началом. Поэтому, как только экс-нобелиста вышибли, единое распалось на враждующие группировки, которые начали пожирать друг друга. В конце концов, это надоело университетскому начальству и стадо разогнали.

ПАПКА С ЗАЩЕЛКОЙ НА ТОРЦЕ

◆ Архитектор Ратмир Дмитриевич Челобанов с окончанием горбаческих времен работал на кафедре градостроительства Тулуповского технического университета. Еще в прошлом тысячелетии защитил в солидном московском вузе — с традиционным пятилетним перерывом — кандидатскую и докторскую диссертации; естественно, по архитектуре, хотя и прикладной, «коммунхозовской», как ее, то ли с юмором, а может, и с уважением, именовали «чистые» архитекторы, разрабатывающие нетиповые проекты. Но Челобанов всю жизнь, начиная с учебы в МИСИ*, был градостроителем, жил и чувствовал большими строительными масштабами, двадцать лет проработав по этой специальности в Тулуповском проектном архитектурностроительном институте. Дорос до руководителя базового отдела, хотя и испытывал органическое отвращение к официальному начальствованию. Очень любил творческую работу. Даже став отдельским «бугром», редко бывал в своем крошечном кабинетике, почти все время проводя, как и прежде, за кульманом в правом ряду общего проектного зала второго этажа.

Это крайне не нравилось женщинам, стесняло их свободу поболтать друг с дружкой, посплетничать о любовницах начальников всех рангов, попить бесконечного чайку-кофейку с пирожными из учрежденческого буфета при столовой. Хотя Ратмир и свой в доску, но... он же начальник? Сам Челобанов похохатывал:

— Девки! Да вы хоть стриптизом за своими кульманами занимайтесь, но на меня не коситесь: своя докука одолевает, никак привязка квартала «Н» к осевой линии микрорайона не получается!

Женщины улыбались, но... природа их брала все же свое: начальника следует опасаться. По жизненному уставу.

Из института в технический университет Ратмир Дмитриевич ушел сразу после спектакля *ГКЧП* по сочетанию двух причин. Понял, что наступает аминь плановому градостроительству, но главное — в свои сорок пять лет, назубок изучив практику дела, чувствовал в себе серьезный творческий потенциал, явно эту самую градостроительную практику перерос. Его потянуло к самостоятельному теоретизированию и обобщению своих мыслей и суждений.

Завкафедрой Леонид Максимович — а кто в узком архитектурном провинциальном мирке не знает друг друга? — Челобанова принял на работу с нескрываемым удовольствием:

^{*} Московский инженерно-строительный институт.— Прим. авт.

- Ну-у, брат Ратмир, пора, пора тебе в науку. Как солидного практика берем на доцентскую должность, надбавку к нашей нищенской зарплате организуем. А раз пришел с уже готовой кандидатской, то через год защитишься. Опосля и с докторской не буду препятствовать: «разведка» донесла, что начальствования пуще черта опасаешься, меня не подсидишь! Поди плохо, два профессора на кафедре образуется. Рейтинг университетский, так сказать, поднимем в части нашей кафедры и факультета. Так что садись и пиши заявление. Как ректор завтра-послезавтра подпишет приглашай в «Ханты-манси» на коньяк с закуской!
- ◆ Накануне малого юбилея Ратмира Дмитриевича, профессора кафедры градостроительства, именуемого в народе «бабьей пенсией», его зазвал с утра в свой кабинетик Леонид Максимович. Был он в веселом настроении и как человек почти что искусства приветствовал коллегу и подчиненного неформально:

Товарищ Сталин, вы большой ученый; В языкознании, безусловно, корифей. А я — простой советский заключенный, Не коммунист и даже не еврей.

Принимая правила шутливой игры, Челобанов подхватил лейтмотив:

Вчера мы хоронили двух марксистов И тела их накрыли кумачом. Один из них был левым уклонистом, Другой, как оказалось, ни при чем.

Оба ностальгически рассмеялись, вспомнив золотые времена позднего Брежнева с вечерними кухонными посиделками при молодых еще женах и анекдотах про руководителей партии и правительства под прорывающиеся через вой глушилок радиоголоса из-за кордона. И все это под хорошую закуску, болгарскую «Тамянку» и отечественную «Экстру», самолично настоянную на апельсиновых корочках...

— Слушай, Ратмир,— на правах старшего по возрасту и должности называя Челобанова по редкостному имени, посерьезнел Леонид Максимович,— тебе вот-вот стукнет пятьдесят пять. Юбилей не юбилей, середина на половинку, но надо и о себе, любимом, думать. Почетного работника высшего образования, с моей, конечно, подачи, к защите докторской и «полтиннику» тебе ректор выписал. Пора о Заслуженном архитекторе побеспокоиться...

При этих словах Леонид Максимович невольно скосил взгляд в сторону правого лацкана пиджака, куда он по табельным дням нацеплял своего Заслуженного.

- Кто же мне его даст? За такими цацками в универе, полагаю, очередь на дветри каппятилетки вперед!
- Правильно, Ратмир свет Дмитриевич, особенность национальной охоты за наградами понимаешь. Я сам-то, небось, знаешь от наших сплетниц-доцентш, получил по кумовству с бывшим проректором Цыпляевым. Успел-таки Вадимович мне Заслуженного организовать, прежде чем его вышибли с должности не по чину взял, бедолага, а точнее, не поделился с кем надо. Закон общака забыл!

Нет, Ратмир, мне намедни подсказали один ход: бумаги оформлять не от университета, что есть дело тухлое, как ты правильно сказал, а от творческой общественной организации, что допускается законом о наградах, то есть от нашей областной организации Союза архитекторов, которую возглавляет, хм-хм, твой покорный слуга!

◆ Сложным путем заполучив из обладминистрации неряшливо отксеренную ко-

пию положения о почетных званиях, Ратмир Дмитриевич за пару дней подготовил все нужнее бумаги. Особо в ходатайстве и сопроводительном письме он напирал на наиболее выигрышные стороны и успехи своей деятельности за последние пять лет, как того требовало положение: учебник по градостроительной архитектуре с грифом Минвуза, рекомендующим его в качестве базового для инженерно-строительных университетов и факультетов, и первая премия за проект обустройства набережной реки Тулуповки, давшей название городу.— Только что в области сменилась администрация. Прежний губернатор дожидался суда за крупную взятку, а новый энергично взялся приводить в порядок исторически безалаберно застроенный и запущенный Тулуповск.

Леонид Максимович полистал пачку бумаг, вынул из ящика своего кабинетного стола паркер для подписей важных бумаг, поставил на нужных местах автографы и проштемпелевал их печатью Тулуповского отделения Союза архитекторов.

- Все! Сам не относи. Запутаешься в пропусках и не туда, куда надо, отдашь, а потом концов не сыщешь. В понедельник Лилия Семеновна идет в Белый дом и...
- А что, Леонид Максимович, до Белого дома, что в городе Вашингтоне, федеральный округ Колумбия, можно пешком дойти?
- Что-что? А-а, извиняюсь, забыл, что не терпишь американизмов. Так вот, наша почтенная Семеновна в понедельник идет-плывет в обладминистрацию с заявкой на грант губернатора и закинет твои бумаги в департамент культуры. Она там все их тонкости знает, по-бабски пристанет и не отстанет, пока по всей официальной форме твое представление не зарегистрирует. Да не забудь бумаги в какую-нибудь папочку поприличнее упаковать.

Из ящика уже своего стола в преподавательской Челобанов достал папку любимого им фасона: черную пластиковую с торцом. До ста листов можно в такую папку вставить, надавив на выступающий из торца клапан-защелку и намертво закрепить пачку бумаг.

...Таких папок перед Новым годом, когда финчасть университета спешно избавлялась от сэкономленных сверх бюджетной меры денег, раскидала их по преподавателям — доцентам по десятке, профессорам аж по двадцать бумажек с видами города Ярославля. Ратмир Дмитриевич с таких внеплановых денег купил целую коробку: двадцать штук. Но расходовал их экономно.

Вставив и закрепив в папке бумаги представления на звание, чуть подумал, набрал на компьютере этикетку: «Челобанов Ратмир Дмитриевич. Заслуженный архитектор РФ» — и закатал ее на обложке папки полоской широкого скотча. Как истинный эстет, полюбовался ладненькой, толстенькой папкой, вздохнул и отправился в комнату Лидии Семеновны. Почтенная пятидесятишестилетняя доцентша без ученой степени уже не первый десяток лет де-факто технически руководила кафедрой — от воспитания разгильдяев-студентов и аспирантов до подготовки расписания занятий на очередной семестр и выполнения самых ответственных поручений вне университета. Леонид Максимович в душе молился на нее и жил в свое удовольствие, как за каменной стеной, отгородившей его от всех хлопот и докук вузовской бессмыслицы. Лидия Семеновна лично разбирала и разруливала даже факты прелюбодеяния и пьянства в рабочее время, не доводя до греха и высшего начальства.

...Многие студенты-первокурсники, еще слабо понимая вузовскую иерархию, серьезно считали ее завкафедрой.

Особенно Лидия Семеновна любила ходить с поручениями в обладминистрацию, где она знала хорошо всех чертей: ее отец, ныне пенсионер на покое, в советское время возглавлял в обкоме строительный отдел.

Лилия Семеновна всегда была в курсе всех дел, даже если последние еще не оз-

вучивались. Она приняла папку от профессора без вопросов, но попросила сходить в буфет за шоколадкой рублей за шестьдесят:

- ...Только, Ратмир Дмитриевич, без всяких там орешков, изюма и воздушных пузырьков. И не импортную, бабаевскую лучше. У делопроизводительницы культурного департамента долгожданный внук родился, поздравить надо! С пользой для вашего же дела, конечно.
- ◆ Ратмир Дмитриевич вырос в офицерской семье и с ясельных пеленок был воспитан в убеждении: все в мире подчиняется четкому уставу, внутренней и внешней дисциплине, а любое отступление суть разгильдяйство и подлежит наказанию с целью исправления.

За широкой спиной Леонида Максимовича и хозяйской опекой кафедры Лидией Семеновной Челобанов абсолютно потерял представление о реалиях современной жизни, тем более — нынешнего чиновного мира. Поэтому все дальнейшее, происходившее с его ходатайством на Заслуженного архитектора, воспринимал как некий кошмарный сон*, как воплощенную в жизнь картину великого испанца «Сон разума порождает чудовищ». И еще он постоянно держал в памяти слова своего дальнего родственника Прокофьича, проживавшего в бывшем шахтерском пригороде и прославившегося на весь Тулоуповск выигранной к районной администрации тяжбой в части налога на домашнего кота Мичмана: «Ты, Дмитрич, сейчас все воспринимай всерьез, хотя и имеешь дело с полным идиотизмом. Кстати, настоящий сумасшедший в житейском общении очень даже приличный человек. Только больше двух стопок самогоновки ему наливать не следует. А вот если читаешь официальную бумагу, тот же ответ тебе от чиновников, не думай, что тебя разыгрывают или насмехаются. Нет, они люди подневольные, и если им сказано: не пущать, то и не пустят куда тебе хочется. Переубедить их невозможно: ты им человеческим языком, а они параграфом и статьей. Эх-х, разбаловала нас советская власть!»

...Все последующие пять лет, почти до уже настоящего, шестидесятилетнего юбилея, раз в полгода, как в бесконечном дежавю, повторялся один и тот же сценарий. Лидия Семеновна, разбирая кафедральную почту, опытным взглядом сразу откладывала в сторону бандероль, адресованную Леониду Максимовичу, но не как завкафедрой, а ответственному секретарю Тулуповской первички Союза архитекторов.

Даже не показывая толстенький конверт писчего формата шефу, она с дежурно-соболезнующим выражением доброго своего лица вручала бандероль Челобанову.

В конверте находились неряшливо собранные в пачку его документы на Заслуженного: все измятые, в пятнах от кофейных и пирожных следов, с неразборчивыми карандашными подчеркиваниями, перечеркиваниями и пометками. Родной черной пластиковой папки с торцовой защелкой не было, а листы разных документов заявки перепутаны и даже не соединены канцелярскими скрепками.

К пачке возвращенных бумаг, пышно именуемым «пакетом наградных документов», прилагалось сопроводительное письмо департамента культуры, написанное обычным канцелярским языком и за подписью директора департамента.

«Сопроводиловка» писалась по шаблону со ссылками на нужные статьи, разделы и пункты положения, регламентирующего представления к почетным званиям. Однако отказные обоснования первые три года в основном напирали на «технические и орфографические ошибки», но какие — конкретно не указывалось. Пришлось к очередному Женскому дню посылать Лидию Семеновну с приличным тортом и коробкой бабаевских конфет к знакомой ей делопроизводительнице департамента. Вернувшись, она растолковала малопонятливому профессору, что сейчас в обиходе американская орфография в написании многословных имен собственных: все слова пи-

^{* «}Жизнь как сон» — самая таинственная пьеса Кальдерона.— Прим. авт.

шутся с заглавной буквы, а не одно лишь первое слово, как доселе было принято в русском языке. Ратмир Дмитриевич помнил со школьных уроков: исключения, то есть написание всех слов с большой буквы, допускается только для названий государств, расшифровки аббревиатуры КПСС и еще нескольких имен собственных. Выходит, явочным порядком наша орфография изменилась...

◆ Когда Челобанов освоил новую грамматику и стал посылать в администрацию Лидию Семеновну с правильной терминологией и орфографией, то содержание отказных писем изменилось. Теперь напирали на пункт 16 раздела ІІ главы І «Порядка представления...», а именно: ходатайство возбуждается по месту основной работы, коей у гр. Челобанова является Тулуповский технический университет.

Удар получался ниже пояса. Сколько ни пытался Ратмир Дмитриевич в очередных сопроводительных письмах в департамент человеческим языком объяснить, что искомое им звание — творческое, а технический университет в отличие от Союза архитекторов не есть творческая организация, а потому пункт 16 раздела ІІ главы І здесь не следует толковать формально, но через положенные полгода его бумаги (без папки) возвращались с сопроводиловкой уже сугубо стандартного содержания: про пункт, раздел и главу.

Уже в нижнем ящике стола Ратмира Дмитриевича оставались только две заветные папки в оригинальной торцевой защелкой; уже в университете сменился ректор, а в администрации — губернатор со всеми его замами и «вице»; уже Лидия Семеновна прикидывала, как лучше организовать на кафедре чествование профессора Челобанова в его шестидесятилетие... Но здесь переписку Ратмира Дмитриевича с губернской властью решительно прервал Леонид Максимович:

— Давай, Дмитрич, завязывай с этим безнадежным делом. Плетью обуха не перешибить. На меня уже косо ректоратские смотрят. Делай как другие: становись в негласную университетскую очередь и к семидесятилетию получишь своего Заслуженного. Как говорится, все удовольствие не в обретении желаемого, а в путидостижении его!

Ратмир Дмитриевич манией величия и отчаянным лавролюбием не страдал, потому с охотой и облегчением от докуки освободился. А чтобы подсластить пилюлю, к юбилею подчиненного Леонид Максимович выхлопотал ему Почетную грамоту Министерства культуры. И самопальный орден «Ле Корбюзье» от Союза архитекторов. Такие медали и ордена на любой вкус наловчились штамповать предприимчивые ребята из Одессы, организовавшие наградное *ООО* на базе выкупленного цеха в Пензе, где в советское время специализировались на знаках госнаград. Но более всего Ратмира Дмитриевича порадовала очень даже приличная премия из ректорского фонда.

◆ После юбилея Челобанов напрочь забыл о пятилетних мытарствах, с головой уйдя в работу над монографией по всемирной истории градостроительства архитектуры, которую планировал издать в Москве и — на немецком или английском языке — в Германии, где веселые ребята из Одессы создали издательство для бывших соотечественников.

Надо сказать, Ратмир Дмитриевич не отказывался от участия во всяких университетских советах и комиссиях — в порядке общественной нагрузки и поощрительной оплаты. Поэтому не удивился, когда, предварительно созвонившись, на кафедру пришел председатель совета молодых ученых Земнухин:

— Ратмир Дмитриевич! Выручайте. Мы сейчас подводим итоги конкурса на звания лучших аспирантов и студентов по научной работе. По вашу душу пяток работ с экономического факультета, как-то касающихся строительного дела. Не сочтите за труд, кстати, оплачиваемый, увы, по известным расценкам, отвести часок времени: просмотреть по диагонали, резюме написать в пяток строк и поставить баллы. Не очень обременю?

— Ладно. Завтра с утра займусь, а после обеда заберете.

Занятый главой монографии о советском конструктивизме двадцатых годов, Ратмир Дмитриевич даже не взглянул на стопку бумаг в разноцветных пачках, положенных Земнухиным на подоконник окна, рядом со столом профессора.

Наутро, как человек дисциплинированный и обязательный даже в мелочах, Ратмир Дмитриевич переложил студенческие работы на стол, начал было перебирать... и вздрогнул, увидев папку любимого фасона: черную с защелкой на торце. Раскрыл и увидел, вторично вздрогнув, фамилию студентки Коровкиной Екатерины Анатольевны, пятый курс экономического факультета. Именно такую фамилию имеет завотделом департамента культуры, которая, по словам всезнающей Лидии Семеновны, все эти пять лет отфутболивала его бумаги. Директор же департамента только подмахивал сопроводиловки. Более того, почтенная доцентша, проведя углубленную разведку через делопроизводительницу департамента, несколько месяцев назад раскопала и доложила Челобанову причины немилости Коровкиной. Оказывается, еще на заре своей педагогической деятельности, будучи еще «холодным» доцентом, он с двух заходов еле-еле, поддавшись на злые девичьи слезы, поставил «тройбан» с двумя минусами дочери этой самой административной дамы Коровкиной.

Естественно, сам Ратмир Дмитриевич этого не помнил, тем более что по данным Лидии Семеновны дочурка была замужем и шла в университете под другой фамилией... Да-а, бабы таких унижений не прощают. Впрочем, теперь эту канитель с «Заслуженным» он выбросил из головы напрочь.

И вот опять эта Коровкина? Может однофамилица? Ратмир Дмитриевич закрыл папку, задумчиво повертел ее в руках и... не то что вздрогнул, но похолодел: на обратной стороне папки на наклеенной в правом нижнем углу торговой бумажной этикетки он увидел свою подпись! Сразу вспомнил: когда укладывал бумаги в очередную новую папку, готовясь послать Лидию Семеновну в «белдом» в предпоследний раз, к его столу подошел доцент Семенцов и попросил поставить автограф на рецензии его статьи. Дело обычное, но ручка Челобанова, явно китайской подделки под корейскую гелевую, забастовала. Не найдя на своем аккуратно содержимом столе бросовой бумажки, он, увидев этикетку на папке, пару раз черканул по ней и по инерции здесь же и расписался. Ручка «пошла», подпись получил и доцент Семенцов.

- ◆ Дело приобретало детективный сюжет. В Челобанове пробудился азарт дознавателя. Набрал номер телефона Земнухина и поинтересовался, вроде как по делу, конкурсной работой студентки Коровкиной. Дескать, можно одобрить, но и застопорить также не сложно.
- Лучше одобрить, Ратмир Дмитриевич,— сразу проявил интерес Земнухин,— эта Катька девица зловредная, прилипчивая и кляузная. Да и племянница какой-то деятельницы и обладминистрации по мужу ее племянница. Фамилия поэтому у них одинаковая. Вы, конечно, Ратмир Дмитриевич, абсолютно вольны в своем решении, но мне приходится иногда бывать в тех местах, клянчить деньги на поощрение молодых ученых... Ну-у, словом, понимаете. А что вас заинтересовало в ее работе?
- А ничего, брат Земнухин, по содержанию, папка заинтересовала, люблю такие папки, очень удобные.

На другом конце провода облегченно рассмеялись:

- Так возьмите ее себе! А бумаги Катькины в обычный файл вставьте. Кстати, она уже не в первый раз заявы свои, с интернета распечатанные, мне приносит. И всегда в таких же папках!
- ...Через неделю, получив зарплату, Челобанов зашел в недальний от его корпуса магазин учебной книги и канцтоваров «Знание сила». К его радости продавщица отыскала в подсобке коробку с двадцатью черными папками любимого фасона. Де-

сять штук он сразу определил в дело: под десять же глав историко-архитектурной монографии. Второй десяток — без сопроводиловки — упаковал в бандероль без обратного адреса, надписал адрес и фамилию Коровкиной и самолично сходил на почту и отправил.

...Еще через полгода услышал от Лидии Семеновны новость: Коровкина теперь останется без повышенной пенсии госслужащей, до которой ей оставалось чуть побольше года работы. Попалась на женской алчности: к юбилею первого вицегубернатора ей поручили купить подарок от департамента: швейцарские часы тысяч за шестьдесят. Простенько и со вкусом. Она же скрысятничала, купив китайскую подделку за четыре «штуки», подделала чек, а разницу, ничтоже сумняшеся, пустила на домашние хознужды.

Уже который год подсиживающая ее заместительница вскрыла подлог и донесла до верхнего начальства. Чтобы не выносить сор из «белой» избы, Коровкину вовсе не уводили, а вывели из ранга госслужащих и перевели в Замостовскую районную администрацию курьером почтовой экспедиции.

Последний же в городе книжный магазин «Знание — сила» к Новому году закрыли из-за нерентабельности, помещению задали евроремонт и сдали в аренду магазину «Отличный» — одежда и обувь по умеренным ценам.

КУВАЛДОМЕТР, ИЛИ ЗИМНЯЯ СКАЗКА

◆ Как-то в зимний субботний день к Прокофьичу с Тихоновной и, конечно, к освобожденному от налога на ловлю мышей коту Мичману нагрянули без предваряющего звонка гости: дочь Вера с мужем Витьком и одной из дочерей-школьниц, а также со старшим братом Виктора профессором Игорем Васильевичем. Приехали на «лендровере» младшего брательника с гостинцами, ночевкой и завтрашним катаньем на лыжах, которые все родичи хозяев постоянно держали в заверандной кладовке без отопления.

Игорь Васильевич, с некоторой досадой оторвавшись от своих ученых упражнений, поехал на загородный пикник по настоянию супруги: для здоровья и социального оптимизма.

Приехали уже темным вечером и сразу приступили к делам. Тихоновна с Верой занялись ужином высокого класса — из домашних и привезенных запасов. Внучка затетешкала Мичмана, а тот радостно носился за ней по комнатам и веранде дома. Прокофьич нашел достойного себе собеседника в лице профессора: оба с увлечением и комментариями рассматривали староизданные книги с пепелища бывшей поселковой библиотеки. И хотя Тихоновна внесла в «диванную» этак по-барски малый жостовский поднос с графинчиком особо очищенной и настоянной на смородиновых почках, парой рюмок и тонко нарезанным домашним окороком — заморить червячка перед ужином, но оба истинных библиофила к угощению даже не притронулись, восхищаясь прекрасно переплетенным прижизненным изданием морских рассказов Станюковича. Витек же расчистил от снега широкую дорожку от ворот к сараю, загнал машину, укрыл ее от расходящегося к ночи мягкого, пушистого снега полиэтиленовой пленкой, что летом шла на теплицу, задумался: что еще сделать по хозяйству?

Сообразив, заскочил, не раздеваясь, в дом, далее в «диванную», подмигнул мужикам, колдующим над старой, пахнущей заварным кремом книгой, одну за другой хлопнут пару стопок очищенной, зажевал бутербродом с домашним окороком, выскочил из дома. Покурил, наслаждаясь наполняющим желудок теплом, затем принялся расчищать дорожки вокруг дома и сарая — пока Тихоновна не позвала с крыльца зятя ужинать.

Собрались по-праздничному в гостиной комнате за овальным столом со скатертью. Мичман вспрыгнул на колени внучки-десятиклассницы и весь вечер сидел там, периодически сладко урча, засыпая под людской говор и вновь просыпаясь. Зря говорят, что коты сугубые индивидуалисты. Тем более — домашние, хозяйские. Они просто не любят, чтобы их брали на руки без их желания, а так они со вниманием слушают человеческую речь и усаживаются так, чтобы постоянно видеть всех присутствующих.

Утолив первый голод, поговорили о завтрашней пробежке «молодых», то есть всех кроме хозяев, включая Мичмана, а затем перешли к занятным зимним историям— в контексте со сказочным январским вечером. Дошла очередь и до Игоря Васильевича.

◆ — Хм-м, и у меня такая вот зимняя сказка приключилась: и время то же самое, сразу после старого Нового года, и погода такая же, морозец в меру, снежок пушистый падает-кружится... Только было мне на двадцать лет поменьше.

Я тогда уволился с *НПО* «Меткость», поскольку докторская диссертация не то что готова была, но уже отпечатана, внедрена и так далее — по всей полной бюрократии. Академик же Гусаков, генеральный конструктор и начальник «Меткости» меня не знал, да и тема диссера никак не вписывалась в работы *НПО*. Словом, никто мне бумагу-направление на защиту, что тогда строго требовалась, не даст.

Но куда идти? Время-то собачье-волчье, девяностый год, горбачевщинагайдаровщина, всюду лицемерные эти сокращения. Но, видно, господь бог меня опекает понемногу. Случайно узнал от общих знакомых, что Дмитрий Алексеевич, мой бывший начальник в *ЦКБ* агрегатостроения, где я трудился перед уходом в «Меткость», организовал самостоятельный информационно-аналитический центр при одном из департаментов областной администрации.

В ЦКБ же, куда я попал по распределению после политеха, по третьему году работы организовал отдел по разработке собственных микросхем для военной аппаратуры, так называемых микросхем специального, или частного, применения. Меня, как еще с политеха имевшего подготовку по микроэлектронике, назначили руководителем группы конструкторов-топологов по проектированию микросхем, а Дмитрия Алексеевича, только перешедшего к нам из радиолокационного НИИ, что в Пореченской стороне города,— начальником сектора, в который вошли топологи и химикитехнологи. Так мы и трудились вместе лет пять.

Затем начался большой отток специалистов на более высокую зарплату в самую престижную в городе «Меткость», где начались работы по созданию ныне всемирно знаменитого ракетно-пушечного зенитного комплекса «Панцирь». И я примкнул к этому оттоку.

Дмитрий же Алексеевич проработал в *ЦКБ* еще лет десять, стал там вторым по должности человеком, но в конце горбачевщины наверх полезли люди нового склада мышления. Дмитрия Алексеевича, как человека трудолюбивого и добропорядочного, мигом «подсидели» и принудили уйти из *ЦКБ*. Хорошо, в те начальные годы перепрофилирования всего уклада жизни у власти еще пока держались порядочные люди прежнего закала, хорошо знавшие деловые качества Дмитрия Алексеевича. Они и помогли создать ему Центр, который он в короткие сроки умудрился сделать образцовым и ведущим по всероссийским меркам. А ведь такие центры директивно были созданы во всех областных городах с функциями вроде как крохотные конторымашбюро, где с десяток девушек набирали бы тексты докладов и отчетов для департаментских боссов...

 ◆ Дмитрий Алексеевич, пышно теперь именовавшийся гендиректором, встретил радушно, мигом понял, что мне от него нужно, вызвал секретаршу и продиктовал приказ о моем зачислении в штат с должностью ведущего конструктора — со среднестатистической приличной зарплатой:

— Вот, что, Васильич! Я так понял, у тебя все готово, а для сбора всяких бесчисленных бумаг, согласований и прочей мутатени наступающую осень и зиму будешь мотаться в Москву, а в начале следующего лета защитишься. Я все понимаю и приветствую, чем могу — помогу. Командировки любые подпишу. Заодно иногда и наши бумаги кой-куда станешь закидывать. Мы вот сейчас подвязались к Чернобыльскому регистру, а правит здесь всем Москва. Ну, это к слову.

Параллельно же с твоей основной заботой присматривайся к нашим делам, ищи, так сказать, будущий фронт своих работ. И я тебя время от времени начну привлекать по отдельным вопросам, где ты силен. Договорились?

Так все и пошло своим чередом. Весьма успешно пошло. Раз в неделю-две трясся на электричке в Москву, где бегал по корпусам Московского авиационного института: подписывал нужные бумаги, выступал с докладами по теме диссера на ведущей кафедре, где был оформлен соискателем, что-то доказывал, убеждал, дружески обедал с нужными людьми. И торопился на Каланчевку, чтобы успеть на последнюю, идущую в ночь электричку. По улицам столицы старался не ходить: тягостное зрелище. Все тротуары того же Волоколамского шоссе, где расположились корпуса МАИ, сплошь заполнены жмущимися к стенам домов стариками, пытающимися продать совершенно невообразимое: старые калоши, дырявые шерстяные носки, траченные молью пальто рабфаковских времен. Вот она, гайдарономика, в действии...

Один любопытный момент, связанный с выполнением поручения Дмитрия Алексеевича.

Накануне очередной моей поездки, подписывая командировку, тот попросил выбрать в Москве пару часов и встретиться по делам Чернобыльского регистра с главврачом психиатрической больницы имени Сербского:

— Вот тебе ее координаты. Она в курсе. Передашь ей все эти бумаги и запиши ее комментарии и пожелания. Созвонись сегодня; она человек занятой.— Но в курсе наших дел и хочет сотрудничать.

Я дозвонился, спросил, как подъехать к Сербского. В ответ в трубке послышался смех: «Что вы! Это же тюрьма, туда особое разрешение для входа требуется. Мы со сторонними коллегами встречаемся в обычной поликлинике на Тверском бульваре. Так что туда и приезжайте завтра в двум часам».

- ...Встретились, поговорили, а через пару месяцев в газете увидел ее фото: новый министр здравоохранения. Еще разные истории случались, но давайте ближе к зимней сказке.
- ◆ Так вот, в такой же прекрасный зимний день, как сегодня, сидел я за своим рабочим столом и выверял отпечатанный текст автореферата диссертации. Уже договорился размножить его в ста положенных экземплярах на департаментском ротапринте, что размещался этажом выше. На машине работали два пожилых, понятливых отставника, а пару бутылок «за труды» я им уже передал перед праздником старого Нового года. Солнце зимнее еще не взошло, за окнами — серая блесткость выпавшего за ночь снега. В комнату вошел очень озабоченный начальник:
  - Пойдем-ка, Васильич, ко мне в кабинет. Разговор есть.

А в кабинете продолжил:

- Слушай, у тебя ведь дача, как и у меня, в Шутино и на третьем участке?
- Да у меня, Дмитрий Алексеевич, не дача, а голый участок. В лучшие времена не успел, не сообразил, а сейчас и на собачью будку деньги два года копить нужно...
- Неважно, все равно заодно посмотришь на свой участок зимой. Тут дело в другом. Я-то успел, еще будучи начальником в *ЦКБ*, дом в двух уровнях сгомозить,

сарай бетонный. Вот в нем-то все и дело. Позвонил вчера под ночь сосед-пенсионер, то есть его дача через два участка от моего. Ездил он посмотреть что да как и говорит: у тебя стальная дверь сарая напрочь вывернута, на одном болте кособочится. А у меня в сарае-то про запас почти два куба струганных досок высшего сорта, мешки с цементом и прочий стройматериал, представляешь? Вдруг все сперли? Сосед побоялся заглядывать. В любом случае надо срочно ехать, дверь ремонтировать. Одному сложно будет, так что по-соседски выручай! Был бы Генка за рулем, мы бы вдвоем управились, но он сегодня в отгуле. А Валерка молод и хлипок, на него полагаться нельзя. Поехали!

Поехали на приписанном к Центру медицинской окраски «рафике». За рулем подменный водитель Валерка, девятнадцатилетний парень с несколько слабым... ну, скажем, воображением. На полу салона машины здоровенная кувалда и другой инструмент для ремонта сарайной двери из почти что броневой плиты.— В *ЦКБ*, как заведении военно-промышленного профиля веников не вязали...

Проехали через весь город, а далее километров тридцать по московской дороге. Затем свернули на еле заметную под ночным снегом колею грунтовки, долго петляли мимо пустых зимой сезонных коровников, хлевов без дверей. Кругом и впереди ни души. Жизнь здесь замерла до весны.

Валерка, разумеется, дороги не знал, но ее даже под снегом четко угадывал начальник, поднаторев в этом при перевозке стройматериалов для дачи. Несколько раз «рафик» отчаянно буксовал в снегу. Приходилось мне и Дмитрию Алексеевичу брать в руки рачительно припасенные лопаты. Еще с полчаса переползание с бугра на бугор под снегом, и машина вышла невысокий берег речки, опоясывавший знакомый мне третий участок дачного кооператива, что расположился на другом, пологом берегу.

Дмитрий Алексеевич на пальцах начал разъяснять шоферу, как спуститься к замерящей до дна речке по заметенному снегом летнему грунтовому серпантину. Валерка тронул «рафик», но увяз на первом же развороте на сто восемьдесят градусов. Вместо того чтобы предложить всем выйти с лопатами, он дал полный, долгий газ. За боковым окном взметнулся выбрасываемый колесами белый вихрь, который вдруг сменился грязно-серым, после чего мотор резко заглох. Валерка обернулся с плачущим лицом: «Все, Дмитрий Алексеевич, диски сцепления полетели! Что делать?»

Начальник махнул рукой, дескать, что с малолетнего идиота возьмешь, и пояснил мне, как полному профану в автомобильном деле, что такой ремонт делается только в автомастерской, а ближайшая из таких только... в городе. Да и то, если там найдутся диски для «рафика», что маловероятно, ибо Латвия с ее RAF уже самостийное государство с выраженной враждебностью к нашему ощипанному по краям отечеству...

- ◆ Попинав снег около передних колес, зачерненный пятнами сгоревших металлических крошек, Дмитрий Алексевич озвучил диспозицию:
- Ты, Валера, дуй по следу машины, пока снег снова не пошел, назад до трассы, там как раз автобусная остановка. На тебе деньги, сядешь на первый же рейсовый проходящий, доедешь до города и позвони Клейману: объясни ситуацию; пусть найдет грузовик дорогу он знает и едет сюда, тащить «рафик» в город. Если до темноты не успеешь, пусть завтра с утра. А мы с тобой, Васильич, заберем инструмент и пойдем вниз, на дачу. Будем работать, а машину никто не тронет, ни души вокруг. С дачи, хоть и за километр, но на горке она нам будет видна... Дальше решим по обстоятельствам.
- А по мобильнику почему не позвонили? встрепенулась внучка, невнимательно слушавшая неинтересный ей рассказ дяди-профессора, поглаживая разомлевшего на ее коленях Мичмана за ушками.

Витек рассмеялся:

- В те времена, дочь, мобильник стоил дороже «воли» и даже не у всех знатных воров и бандитов имелся. Ну-у, и дальше что с машиной сделали? Его, как автомобилиста, рассказ старшего брательника очень заинтересовал.
- А дальше Валерка потопал сложным путем звать на выручку нашего завхоза Клеймана. Я взвалил на плечо этот самый здоровенный кувалдометр весом поболее полупуда, начальник взял мешок с инструментом и двинулись. В направлении кооператива и далее к основательной даче Дмитрия Алексеевича.

К счастью, из сарая похитители забрали только... пустые бутылки из-под водки. Сам начальник вообще никогда не пил, но потчевал строителей дачи. Все собирался выбросить, да так и не собрался. Недосуг. Из чего мы с ним решили: сарай «откупорили» алкаши с ближнего железнодорожного поселка. Стройматериалы их не интересовали: хлопотно реализовать и тяжело нести на виду.

Тем не менее, сборщики обменной стеклотары имели при себе лом-фомку и дверь из стальной плиты выворотили основательно, так что мы с Дмитрием Алексеевичем, поочередно или в пару работая почти пудовым «кувалдометром», ручной дрелью с победитовым сверлом, молотком, клещами и слесарной ножовкой по металлу, провозились часов до трех пополудни. Хорошо, в хозяйстве начальника нашелся и амбарный замок на место развороченного воровской фомкой.

В холодном доме пообедали захваченными тормозками. Еще с час подождали, выходя на пригорок дачной улицы посмотреть на еле видный отсюда замерший «рафик» на склоне высокого речного берега. Нигде ни души, только из лаза в дом ближней дачи вылезла полосатая кошечка, приветливо посмотрела на людей, но от остатков тормозков вежливо отказалась. Дмитрий Алексеевич пояснил, что хозяин Мурки, тот, что и позвонил ему о взломе сарая, приезжает сюда раз в три дня — для здоровья и охраны, топит печку, грея сразу обед, себя и Мурку, что в прошлом году к нему прибилась, оставляя ей в протопленной кухне еду и питье.

Начало темнеть, а с темнотой полетели редкие пушистые снежинки. Надо было что-то решать. Решает же начальник:

- Давай, Васильич, маршируй на станцию, дорогу знаешь. Как раз с запасом времени успеешь на семичасовую электричку. Домой приедешь позвони Клейману, вот тебе на бумажке его домашний. Объясни, что да как, если Валерка не успелеще. Скажи: я еще пару часов здесь побуду, дойду до машины, проверю закрыты ли двери на замок, а потом тоже двину на станцию на девятичасовую. И еще, прихвати кувалду. Я ее у знакомого до завтра взял на работу утром и принесешь. Заодно здесь в лесу ею от волков отбиваться будешь, ха-ха! Да... истинно смех сквозь слезы, втянул тебя в авантюру. Правильно ты говорил: надо было на электричке ехать.
- ◆ Взвалив кувалду на плечо, пошел по дачной улице, вверх к лесу вдоль железной дороги. Напротив водонапорной башни взглянул влево на свой участок ровный заснеженный квадрат. Вошел в лес и, свернув направо, взял курс на станцию. По договоренности со станционным начальством дорога в лесу зимой расчищалась бульдозером со скребком, а свежего снега небо подсыпало всего на несколько сантиметров, так что идти одно удовольствие. Даже с «кувалдометром» на плече.

Еще не совсем стемнело, через редкую лесополосу пробивался свет путейских фонарей, усиливавшийся прожекторами часто проносившихся товарняков и московских пассажирских поездов курского направления. Да еще почти полная луна высвечивала лесную дорогу сквозь медленно падающие лохматые снежники.

Настоящая зимняя новогодняя сказка, хотя с ночи троицы «куранты — президент — оливье» прошло уже две с половиной недели. Жаль даже, что ни единого встречного-поперечного за всю дорогу длиной два с гаком километра. Наверное, дико бы смотрелся: в ранневечерней темноте под рассеянным, матовым лунным светом в одиночку идет человек в обычной городской одежде со здоровенной кувалдой на плече. Если встречный робкого десятка, на всякий случай свернет в лес переждать...

Но вот дорога раздвоилась. Мне налево к уже видной, ярко освещенной станции с вокзальчиком и бетонными платформами с перилами-ограждениями. Поскольку морозец к ночи крепчал, с четверть часа, ожидая электричку, просидел на вокзальной лавке. Был понедельник, потому в зале ожидали электрички в оба конца редкие дачники сразу из трех окрестных кооперативов и загостившиеся в выходные у поселковых родичей. Те и другие с некоторым недоумением смотрели на мою кувалду. Причем чувствовалось — смотрели с различных позиций. Дачники на кувалду, рабочий инструмент, глядели одобрительно, но их смущал мой не дачный, а цивильный фасон одежи. Праздный же, загостившийся народ, наоборот, приветствовал городскую форму одежды, но не понимал: каким образом кувалда стала принадлежностью «национального костюма»?

Кстати, от моего тормозка оставалась полулитровая банка гречневой каши с кусочками курицы, которую мы с начальником есть не стали — бутербродов хватило. Банку эту я нес в пакете, по-деревенски надетом на ручку кувалды, за спиной. Бодрящая прогулка по сказочному лесу в начинающем звенеть морозце вдругорядь растревожила аппетит. Поскольку личную ложку оставил в рабочем столе, то ел с ладони, вытряхивая из банки рассыпчатое вкусное, хотя и холодное, едово.

Дачники все понимали, смотрели одобрительно, а о чем задумались загостившиеся? Наверное, об ужине с парой стопок казенной или очищенной, навроде твоей, Прокофьич, что ждали их дома...

◆ По станционному радио объявили о прибытии московской электрички. Народ потянулся на перрон; я с кувалдой тож. Тогда электрички из Москвы еще соответствовали советскому образцу 70—80-х годов: «длинная, зеленая, пахнет колбасой», но люди несколько изменились. Конечно, по-прежнему бо́льшая часть их везла продовольствие, но не менее заметной была и группа, затаренная всевозможными коробами с иностранными надписями. Среди них выделялись крепкие, крупнотелые бабы с большими сумками в мелкую калейдоскопическую клетку, явно набитые мягкой торговой рухлядью и коробками с обувью. Их отличал неуместный для середины зимы загар, разговор друг с другом о диковинных тогда загранпаспортах, о Турции... Главное, верхняя одежда на них смотрелась как седло на корове: вроде импорт, платья чуток даже на вечерние смахивают, но явно не для электрички и несколько не хватает по размеру для их мясистых округлостей...

По вечернему времени свободных мест хватало. Сел, поставив кувалду на пол между ног, оперся ладонями и подбородком на конец рукояти, даже чуть прикорнул в вагонном духмяном тепле после морозного перрона.

Захотелось курить. Оставив кувалду, вышел в тамбур, достал трубку, набил табаком, что носил с собой в кожаной табакерке, задымил. Тогда сигареты и папиросы напрочь исчезли из продажи; по талонам совершеннолетним продавали две-три пачки на месяц. Ходили слухи: по гайдаровскому вредительству все табачные фабрики страны одновременно закрыли на капремонт. Курящий народ перешел на самокрутки, козьи ножки и трубки. Отец наш с Витьком еще с военных лет курил трубку; одну из своей небольшой коллекции презентовал мне. Вполне приличный листовой табак продавался на рынках. Я его досушивал над кухонной плитой, мелко резал на узкие полоски.

Не успел сделать пару-тройку затяжек, как в тамбур со стороны соседнего вагона вошли милицейский сержант и железнодорожный контролер. Оба, как и многие мелкие чины в те годы, уверенно навеселе.

— O! Смотрите, курит в общественном транспорте, явно хочет гражданин уплатить за штраф, да?

Я бы и заплатил, чтобы не связываться, но все немногие рубли, что имелись в кармане, ушли на билет. Объяснил: еду с дачи, денег нет, на даче работал, да еще по морозу два километра шагал, устал, вот и закурил. И так далее. Показал кондуктору билет и вернулся в вагон на свое место. Снова оперся на кувалду. Сержант с кондуктором устремились за мной.

- А-а это что?
- Кувалда, коротко ответил я сержанту.
- Зачем?
- Я же говорю, что на даче работал,— и для убедительности приподнял кувалду на полметра от пола и вновь опустил.

Милиционер со спутником переглянулись, потоптались, опасливо поглядывая на «кувалдометр», и прошли дальше по вагону.

- ◆ И в городском троллейбусе народ опасливо расступался около моего сиденья, но уже тянуло в настоящий сон, потому внимания не обращал. Дома, не раздеваясь, позвонил Клейману. Тот ответил, что Валерка уже оповестил, и он принимает меры на завтрашнее утро. Через пару часов, разбудив меня, уже спящего, отзвонился и Дмитрий Алексеевич: прибыл домой, чем, Васильич, и докладываюсь! Вот и вся зимняя сказка со взломанным сараем.
- А я думаю так,— вступил на правах хозяина Прокофьич,— баловство все эти дачи. В доме надобно жить постоянно. От отсутствия хозяина самый что ни на есть распрекрасно выстроенный особняк, двухэтажная дача, новомодный коттедж быстро рушатся. Или разворовываются и поджигаются. Такая вот, как Васильич любит говорить, диалектика.

Дом без постоянного хозяина и без кота в особенности, что конура без собаки: стоит под солнцем или под дождем, тоску наводит, бродячих псов приманивает.

При этих словах хозяина Мичман недовольно поморщился, покрутил круглой своей головой и с колен внучки с обидой посмотрел на Прокофьича: какие, мол, ему собаки, да еще бродячие шелудивые понадобились? Но Прокофьич успокоил кота кивком головы: не будем мы, брат Мичман, никаких собак заводить, даже этих... новомодных по десять тысяч долла́ров за пару ушей. Или за один куцый хвост. Кому как нравится.

- Э-э, нет, батя,— вступился Витек,— сейчас времена другие настали. Я, конечно, не большой сторонник современного нашего капитализма с чиновничье-воровской мордой, но то, что человек может заработать честным способом деньги и иметь квартиру и загородный дом это хорошо. А то, что не все стопроцентно могут себе такое позволить есть реальность жизни.
- Не реальность, брат ты мой младший,— усмехнулся Игорь Васильевич,— а действие закона Архимеда о сообщающихся сосудах: сколько прибыло, столько в соседнем сосуде убыло. Как говорят в твоих офисно-торговых, а по-русски спекулятивных кругах: на всех бананов не хватит. В смысле, если жить банановой торговлей.
- Так-то оно так, Игореха, но не мы над собой власть ставим, а она нас расставляет по местам. Видишь, профессор, от тебя философствовать научился! Я смотрю, теща моя дорогая пошла чай заваривать и торт резать. А Прокофьич раскочегарил свой АГВ под сорокаградусный! Пошли-ка на крыльцо, охолонемся перед чаем. На погоды здешние посмотрим: какой мазью завтра лыжи ваксить.

Накинув на плечи пальто и куртки (Прокофьич — хозяйственную телогрейку), вышли через холодную веранду на широкое крыльцо под навесом. Мичман ничего не накидывал, только распушил шерсть и особенно хвост и последовал за компанией.

...В начале вечернего одиннадцатого часа на дворе и во всем пригородном поселке царила зимняя сказка. На белом поле под матовым лунным светом, усиливаемым фонарными лампами на столбах, во все стороны разбежались дома, домики и домишки с ярко горящими окнами. В полной подлунной тишине каждому, даже дитю своей эпохи внучке, мерещилась музыка высших сфер. И только кот Мичман, звериную естественную природу которого ни капельки не изменили пять тысяч лет — со времен египетских фараонов — условного подчинения человеку, прекрасно понимал, что музыку высших сфер создают медленно падающие, кружащиеся пушистые снежинки, что падают ему на нос, не защищенный шерстью.

- Да-а, как хороший флотский роман читаешь, произнес Прокофьич.
- Лепота,— вспомнил старый фильм Витек.
- Классно, восторженно произнесла внучка.
- Словом, зимняя сказка... без кувалдометра,— резюмировал профессор Скородумов.

68806889